

Тесс Герритсен
Химера
Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Медицинские триллеры», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11634707
Тесс Герритсен. Химера: Азбука, Азбука-Амтикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-10438-9*

Аннотация

Астронавт Эмма Уотсон принимает участие в программе биологических исследований на борту Международной космической станции. Неожиданно на станции начинает происходить нечто необъяснимое. Один за другим члены команды погибают, сраженные неизвестной болезнью. Все попытки найти средство излечения тщетны. Эмма понимает, что нельзя подвергать жителей Земли этой опасности, а значит, о возвращении домой нужно забыть. Похоже, спасения нет...

Содержание

Благодарности	5
Море	6
1	6
Запуск	11
2	11
3	18
4	28
5	34
6	42
Станция	49
7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Тесс Герритсен

Химера

Посвящается мужчинам и женщинам, благодаря которым полет в космос стал реальностью.

Величайшие достижения человечества начинаются с мечты.

Tess Gerritsen
GRAVITY
Copyright © 1999 by Tess Gerritsen

© В. Бабенко, перевод, 2015

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

Благодарности

Я не смогла бы написать эту книгу без великодушной помощи сотрудников НАСА. От всего сердца хотелось бы поблагодарить:

Элла Кэмпиона (отдел по связям с общественностью НАСА) – за потрясающую экскурсию по Космическому центру имени Джонсона;

руководителей полетов Марка Киразича (МКС) и Уэйна Хейла (шаттлы) – за то, что объяснили, в чем состоят их сложные функции;

Неда Пенли – за рассказ о процессе отбора полезной нагрузки;

Джона Хупера – за то, что познакомил меня с новой модификацией корабля аварийного спасения;

Джима Рейтера (Центр космических полетов имени Маршалла) – за то, что растолковал мне, как на МКС работает система регулирования окружающей среды и обеспечения жизнедеятельности;

бортовых врачей Тома Маршберна и Смита Джонстона – за подробный рассказ об экстренной медицинской помощи в условиях невесомости;

Джима Рунке – за то, что ответил на все мои вопросы, касающиеся техники (порой весьма экстравагантные);

Теда Сассина (уже пенсионера) – за воспоминания о многолетней работе инженером по аэрокосмической технике.

Также я благодарю специалистов, работающих в самых разных областях:

Боба Труакса и Бада Мейера, самых настоящих ракетчиков из компании «Труакс инжиниринг», – за то, что просветили меня инсайдерской информацией о многообразных ракетах-носителях;

Стива Уотермана – за его познания в области декомпрессионных барокамер;

Чарльза Д. Салливана и Джима Буркхарта – за сведения о вирусах, поражающих земноводных;

доктора Росса Дэвиса – за рассказы о нейрохирургии;

Бо Барбера – мой фонтанирующий источник информации о самолетах и взлетно-посадочных полосах. (Бо, я полечу с тобой когда угодно!)

Наконец, я должна в очередной раз поблагодарить:

Эмили Бестлер, которая дала мне возможность расправить крылья;

Дона Клири и Джейн Берки из Агентства Джейн Ротрозен – они отлично знают, из чего вырастают хорошие книги;

Мег Рули, которая сказку делает былью.

И главное – моего мужа Джекоба. Дорогой, без тебя этой книги не было бы!

Море

1

Галапагосский рифт

0° 30 ю. ш. 90° 30 з. д.

Он парил над кромкой бездны.

Под ним зиял холодный мрак подводной преисподней, куда не проникает солнце и где свет возможен только в виде мимолетных искорок – разгорающихся и быстро угасающих огней люминесцирующих созданий.

Доктор Стивен Д. Ахерн плыл в глубоководном аппарате «Дип Флайт IV». Он лежал ничком в ложементе, повторяющем контур человеческого тела, его голову облекал прозрачный акриловый фонарь, а душа доктора ликовала от ощущения свободного полета в безбрежном просторе глубины. В лучах светильников, размещенных на крыльях субмарины, сеялся мелкий бесконечный дождь – то были органические останки, дрейфующие из далеких отсюда, пронизанных солнцем поверхностных слоев, трупики простейших, медленно опускавшиеся сквозь многометровую толщу воды на океанское дно, где они найдут свое последнее пристанище.

Паря в этом легком дожде останков, Ахерн вел «Дип Флайт» вдоль кромки подводного каньона, следя за тем, чтобы бездна оставалась по левому борту, – он пока еще не хотел выходить за пределы плато.

Несмотря на то что пустыня донных осадков выглядела совершенно голой, свидетельства жизни были здесь повсюду. На океанском дне, словно выгравированные, виднелись борозды и дорожки, оставленные бродившими здесь существами, которые сейчас надежно спрятались под пологом наносов. Ахерн заметил и следы человека: ржавую цепь, обвившуюся вокруг потерянного кем-то якоря, бутылку из-под газировки, наполовину погружившуюся в ил. Призрачные знаки чужого верхнего мира...

Неожиданно его взору открылось поразительное зрелище – словно бы перед ним выросла подводная куртина обугленных древесных стволов шестиметровой высоты. Это были «черные курильщики» – трубы, которые образовали растворенные в воде минералы, вихревыми потоками вырывавшиеся из трещин земной коры. Тронув ручки управления, Стивен осторожно повернул вправо, чтобы обойти трубы.

– Я недалеко от гидротермального жерла, – сообщил он. – Иду на двух узлах, по левому борту трубы «курильщиков».

– Как ведет себя наша лодочка? – раздался в наушниках голос Хелен.

– Отлично. Я бы прикупил себе такую малышку.

Хелен рассмеялась:

– Тебе придется выложить о-очень крупную сумму, Стив. Еще не обнаружил конкреционное поле? Оно должно быть впереди, прямо по курсу.

Некоторое время Ахерн молчал, вглядываясь в подводный мрак. Потом произнес:

– Вижу.

Марганцевые конкреции походили на разбросанные по океанскому дну кусочки каменного угля. Эти поразительные, почти неестественно гладкие желваки были образованы минералами, отложившимися вокруг маленьких камешков или песчинок. Такие конкреционные поля – весьма ценный источник титана и других полезных металлов. Но они не интересовали доктора Ахерна. Стивен искал нечто более ценное.

– Направляюсь в каньон, – произнес он.

Пошевеливая ручками управления, Стивен подвел «Дип Флайт» к кромке плато, а затем перевалил через нее. Когда скорость увеличилась до двух с половиной узлов, крылья субмарины, сконструированные так, чтобы создавать не подъемную силу, как у самолета, а, наоборот, «опускающую», потянули аппарат вниз. Стивен начал спуск в бездну.

– Тысяча сто метров, – отсчитывал Стивен. – Тысяча сто пятьдесят...

– Помни о зазоре. Расщелина узкая. Ты следишь за температурой воды?

– Она начала подниматься. Уже тринадцать градусов.

– До жерла еще порядочно. Вот пройдешь две тысячи метров, тогда вода и впрямь станет горячей.

Внезапно перед лицом Ахерна мелькнула какая-то тень. Стивен мотнул головой, непроизвольно дернул ручку управления, и аппарат завалился на правый борт. Сильный удар о стену каньона сотряс субмарину.

– Боже!

– Что там у тебя, Стив? – спросила Хелен. – Немедленно доложи состояние!

Он судорожно хватал ртом воздух, сердце зашло в панике, – казалось, оно колотится не о ребра, а прямо о ложемент.

«Корпус! Неужели я повредил корпус?»

Сквозь хрип собственного дыхания Стивен пытался разобраться, нет ли посторонних звуков – крика разрываемой стали, торжествующего вопля воды, со смертельной силой пронзающей оболочку. Тысяча сто метров отделяли его от поверхности, и давление свыше ста атмосфер страшным кулаком сжимало аппарат со всех сторон. Разрыв корпуса, водяной залп – да его просто размажет!

– Стив, ответь мне!

По телу Ахерна струился холодный пот. Наконец Стив заставил себя заговорить:

– Я тут немного дернулся... и вписался в стену каньона...

– Повреждения есть?

Он осмотрел фонарь:

– Не могу сказать. Думаю, удар пришелся на передний гидролокатор.

– Маневрировать можешь?

Стивен подвигал ручками управления, закладывая поворот влево.

– Да. – Он с облегчением вздохнул. – Кажется, все в порядке. Что-то промелькнуло прямо перед фонарем, и я вздрогнул от неожиданности.

– «Что-то»?

– Оно пронеслось так быстро! Просто молнией! Словно бросок змеи.

– У этого «что-то» была голова рыбы, а тело угря?

– Да. Именно так.

– Тогда это термарцес, рыба из семейства бельдюговых. Термарцес церберус.

«Цербер. – Ахерн мысленно содрогнулся. – Трехголовый пес, охраняющий врата ада».

– Они любят тепло и серу, – сказала Хелен. – Ты их еще не раз увидишь, когда подойдешь ближе к жерлу.

«Тебе лучше знать», – подумал он.

Ахерн не разбирался в морской биологии. Создания, которые теперь то и дело возникали из тьмы и проплывали мимо акрилового фонаря, были для Стивена не более чем курье-

зами, живыми дорожными знаками, указывающими путь к цели. Он покрепче ухватил ручки управления и повел «Дип Флайт IV» вниз, в бездну.

Две тысячи метров. Три тысячи.

А что, если он все-таки повредил корпус?

Четыре тысячи метров. По мере погружения давление воды линейно увеличивалось. Вода за бортом стала совсем черной, ее подцвечивали только фонтаны серы, бывшие из жерла внизу. Светильники на крыльях с трудом пробивали густую минеральную взвесь. Вихри мути совсем закрыли обзор, тогда Стивен вывел субмарину из серных вод, и видимость улучшилась. Он спускался к краю гидротермального жерла, подальше от фонтана разогретой магмой воды, однако температура за бортом продолжала подниматься.

Пятьдесят градусов.

Снова что-то промелькнуло перед фонарем. На этот раз Стивену удалось сохранить спокойствие. Теперь Ахерн увидел целую компанию термарцесов – больше всего они походили на толстых змей, которые висели вниз головой, словно застыв в подводном пространстве. Извергающаяся из жерла горячая вода богата сероводородом – веществом ядовитым и несовместимым с жизнью. И тем не менее даже в этих губительных черных водах жизнь процветала, поражая своими фантастическими, прекраснейшими формами. Прикрепившись к стене каньона, покачивались двухметровые черви рифтии, увенчанные ярко-красными перистыми плюмажами. Ахерн видел скопления гигантских двустворчатых моллюсков, из белых раковин которых высовывались бархатистые красные языки. Видел жутковатых, призрачно-бледных крабов, снующих среди расщелин.

Кондиционер работал исправно, но Стивен уже начал ощущать жару.

Шесть тысяч метров. Температура воды – восемьдесят градусов. В самом фонтане, разогретом кипящей магмой, температура наверняка под триста. То, что жизнь существовала даже здесь, в абсолютной темноте, в ядовитых перегретых водах, казалось настоящим чудом.

– Шесть тысяч шестьдесят, – произнес Ахерн. – Я его не вижу.

Голос Хелен в наушниках звучал слабо и прерывисто:

– На стене каньона есть карниз. Ты увидишь его примерно на шести тысячах восьмидесяти.

– Смотрю внимательно.

– Спускайся помедленнее. Он вот-вот появится.

– Шесть тысяч семьдесят. Пока не вижу. Тут внизу словно гороховый суп. Может, я не там, где нужно?

– ...данные гидролокатора... обваливается на тебя!..

Крик Хелен утонул в шуме статики.

– Не понял. Повтори.

– Обвалилась стена каньона! Обломки падают на тебя. Выбирайся оттуда!

Услышав громкое звяканье камней, обрушившихся на корпус, Ахерн в панике двинул вперед обе ручки управления. Прямо перед ним пронеслась огромная тень, еще более темная, чем мрак вокруг. Тень ударилась о карниз, отскочила, и в бездну посыпался новый дождь обломков. Звяканье участилось. Затем раздался оглушительный лязг, и тут же последовал толчок, который Стивен ощутил как удар гигантского кулака.

Голова Ахерна дернулась, подбородок воткнулся в ложемент. Аппарат резко накрепился, и Стивен услышал отвратительный скрежет металла – это правое крыло царапало выступающие камни. Субмарина начала переворачиваться влево. Перед фонарем клубилась муть, полностью закрывая обзор.

Ахерн ударил по рычагу аварийного сброса балласта и судорожно заработал ручками управления, пытаясь направить аппарат вверх. Однако «Дип Флайт IV» повело вперед, металл снова заскрежетал по камню, опять сильный крен, теперь уже вправо, и вдруг субма-

рина замерла. Ее словно заклинило. Стивен дал двигателю полные обороты и начал бешено дергать ручки управления.

Никаких результатов.

Ахерн сделал паузу. Сердце колотилось вовсю, но он постарался справиться с растущим ужасом. Почему аппарат не движется? Почему не слушается управления? Стивен заставил себя вникнуть в то, что показывали два цифровых экрана. Напряжение батареи в норме. Кондиционер работает. Глубиномер исправен. Шесть тысяч восемьдесят два метра.

Муть медленно оседала, и в луче светильника левого крыла тени начали обретать форму. Впереди расстился совершенно инопланетный пейзаж – черные иззубренные камни, на которых колыхались кроваво-красные рифтии. Вытянув шею, Стивен повернул голову вбок, стараясь рассмотреть правое крыло. От того, что он увидел, его сердце ухнуло в пятки.

Крыло намертво застряло меж двух камней. Субмарина не могла двигаться ни вперед, ни назад.

«Я погребен заживо, – подумал Ахерн. – На глубине шесть тысяч метров».

– ...слышишь? Стив, ты меня слышишь?

– Не могу сдвинуться с места. – Ахерн с удивлением понял, что это говорит он сам – чужим, севшим от страха голосом. – Правое крыло застряло...

– ...закрылками левого крыла. Небольшое качание... сможешь освободиться...

– Я уже пытался. Я все испробовал. Не могу сдвинуться.

В наушниках воцарилась мертвая тишина. Что, пропала связь? Он отрезан? Ахерн подумал о корабле, мягко покачивающемся на волнах высоко над ним, о палубе, залитой солнечным светом. Там, наверху, стоял прекрасный день, в вышине парили птицы. Море, бездонная синева...

Вдруг в наушниках раздался мужской голос. Это был Палмер Габриэль, человек, на деньги которого и была снаряжена эта экспедиция. Он говорил, как всегда, спокойно и уверенно:

– Стив, мы уже начали спасательную операцию. К тебе спускается другая субмарина. Мы поднимем тебя, как только сможем.

Последовала пауза. Затем Габриэль спросил:

– Ты что-нибудь видишь? Где ты находишься?

– Я... я на карнизе, который расположен как раз над жерлом.

– Какие детали можешь разобрать?

– Детали?

– Ты на глубине шесть тысяч восемьдесят два метра. Как раз эта глубина нас и интересует. Что там с карнизом, на котором ты находишься? Какие камни видишь?

«Я вот-вот погибну, а его интересуют гребаные камни!» – мысленно выругался Ахерн.

– Стив, включи проблесковый маяк. Скажи нам, что ты видишь.

Ахерн заставил себя посмотреть на панель управления, нашел нужный тумблер и перебрал его.

Яркие вспышки света пронзили мрак. Стивен уставился на мерцающий пейзаж. До этого он видел только червей. Теперь его внимание переключилось на огромное поле осколков, разбросанных по карнизу. Камни были угольно-черные, как и марганцевые конкреции, только не гладкие, а с острыми неровными краями, что делало их похожими на спекшиеся осколки стекла. Поглядев вправо, туда, где обломок, оторвавшийся от скалы, придавил крыло субмарины, Ахерн вдруг понял, на что он смотрит.

– Хелен права, – прошептал он.

– Не понял. Повтори.

– Хелен была права! Вот он, источник иридия... я его вижу...

– Сигнал слабеет. Советую тебе...

Голос Габриэля утонул в статике и затих.

– Не понял. Повторите. Я не понял! – крикнул Ахерн.

Ответа не последовало.

Стивен слышал буханье собственного сердца, свое дыхание он воспринимал как прерывистый рев. «Спокойнее, спокойнее. Я слишком быстро расходую кислород...»

По ту сторону акрилового фонаря в ядовитой воде нежно плясала жизнь. Минуты тянулись, превращаясь в часы. Стивен наблюдал за колышущимися рифтиями, алые плюмажи которых безостановочно прочесывали воду, вылавливая питательные вещества; следил за безглазым крабом, боком бродившим среди камней.

Освещение стало тускнеть. Внезапно заглох кондиционер.

Батареи умирали.

Ахерн выключил проблесковый маяк. Теперь воду прорезал лишь слабый луч светильника на левом крыле. Через несколько минут он почувствует жар воды, нагретой магмой до восьмидесяти градусов. Этот жар проникнет сквозь корпус и медленно сварит Стивена в его собственном поту. Ахерн ощутил, что по щеке побежала струйка пота. Он продолжал следить за крабом, с изящной важностью шествующим по каменистому карнизу.

Светильник левого крыла замигал.

И потух.

Запуск

2

7 июля

Два года спустя

«Прервать полет!»

Сквозь гром ракетных ускорителей и зубодробительную вибрацию корпуса корабля команда прервать полет так ясно прозвучала в ушах астронавта-исследователя Эммы Уотсон, что услышать ее она могла только из наушников. На самом деле никто из членов экипажа не произнес ни слова, но в это мгновение стало ясно, что надо принимать решение, и быстро. Эмма пока не слышала вердикта командира Боба Киттреджа и пилота Джилл Хьюитт, сидевших в кабине впереди нее. Да и не нужно было. Они так давно работали вместе, что могли читать мысли друг друга, и, глядя на желтые огни аварийной сигнализации, что мигали на пульте управления шаттла, они четко знали, что нужно делать.

За несколько секунд до этого «Эндевор» достиг максимального скоростного напора, того момента запуска, когда корабль, преодолевая сопротивление атмосферы, начинает неистово трястись. Киттредж быстро уменьшил тягу до семидесяти процентов, чтобы умирить тряску. Теперь, судя по аварийной сигнализации, у них отказали два маршевых двигателя из трех. Но с одним работающим маршевым двигателем и двумя РДТТ – твердотопливными ракетными ускорителями – им ни за что не выйти на орбиту.

Запуск придется прервать.

– Центр, это «Эндевор», – уверенно и бодро произнес Киттредж. Ни намек на тревогу. – Не можем увеличить скорость. Отказ левого и центрального МД на точке МСН. Мы влипли. Переходим к аварийному прекращению полета с возвращением на место старта.

– Вас понял, «Эндевор». Подтверждаем отказ двух МД. После выгорания топлива в РДТТ приступайте к АПП ВМС.¹

Эмма уже перебирала пакет инструкций в поисках карты «ВМС». Экипаж знал наизусть каждый шаг этой процедуры, но в бешеном темпе операции по возвращению на место старта некоторые жизненно важные действия забываются. Бортовая инструкция была гарантией их безопасности.

С бешено колотившимся сердцем Эмма просматривала соответствующую цепочку действий, помеченную голубым. При отказе двух двигателей возвращение на место старта возможно, но лишь теоретически. Теперь должна произойти целая серия чудес. Сначала нужно слить топливо, а потом, перед отсоединением огромного внешнего топливного бака, заглушить оставшийся маршевый двигатель. Затем, когда шаттл достигнет критической высоты, Киттредж должен совершить разворот и направить корабль к месту старта. У него будет единственная возможность – единственная! – чтобы благополучно приземлиться на посадочную полосу Центра имени Кеннеди. Одна ошибка – и «Эндевор» упадет в море.

Их жизни теперь в руках командира Киттреджа.

¹ АПП ВМС – аварийное прекращение полета с возвращением на место старта. (Здесь и далее – примеч. ред.)

Голос Боба, постоянно выходившего на связь с Центром управления полетами, казался уверенным и даже немного скучающим, когда они подошли к двухминутной отметке. Очередная критическая точка. На дисплее высветился сигнал: «Гт < 50». Твердое топливо выгорало точно по расписанию.

Когда ракетные ускорители израсходовали топливо, Эмма сразу же ощутила поразительное снижение скорости. Затем произошел отстрел РДТТ от топливного бака, и она зажмурилась от ослепительной вспышки света.

Рев старта сменила зловещая тишина, неистовая тряска ослабла, уступив место мягкому, почти спокойному парению. В наступившей тишине Эмма слышала, как учащается пульс, как сердце глухо бьется о стенки грудной клетки.

– Центр, это «Эндевор», – неестественно спокойным голосом заговорил Киттредж. – РДТТ отделились.

– Вас понял, мы видим.

– Начинаем АПП.

Киттредж нажал кнопку аварийного прекращения полета, переключатель был уже установлен в положение «ВМС».

В наушниках Эмма услышала голос Джилл Хьюитт:

– Эмма, давай послушаем инструкцию!

– Принято.

Эмма начала читать вслух, и ее голос звучал так же отстраненно-спокойно, как и Киттреджа с Хьюитт. Если бы кто-нибудь посторонний услышал их диалог, он ни за что не догадался бы, что в глаза этим людям смотрит смерть. Подавив панику, они словно перешли в автоматический режим, и всеми их действиями теперь управляли механическая память и опыт тренировок. Бортовые компьютеры автоматически установят обратный курс. Но пока шаттл все еще двигался в направлении от места старта, поднимаясь на высоту сто двадцать километров по мере сбрасывания топлива.

Вдруг у Эммы все поплыло перед глазами – это шаттл, опуская нос и задирая хвост, начал поворот с разворотом. Линия горизонта, которая до этого была «вверх ногами», заняла привычное положение, и «Эндевор» взял курс на Центр Кеннеди, находившийся теперь в семистах километрах от них.

– «Эндевор», это Центр. Выключайте двигатель.

– Вас понял, – ответил Киттредж. – Есть ВМД.

На пульте три индикатора состояния двигателей замигали красным. Все маршевые двигатели были выключены, через двадцать секунд внешний топливный бак отсоединится и будет сброшен в море.

«Быстро снижаемся, – подумала Эмма. – Но зато направляемся домой».

Раздался сигнал тревоги. Эмма вздрогнула, на пульте зажглись дополнительные индикаторы.

– Центр, у нас отказ компьютера номер три! – прокричала Хьюитт. – Потерян вектор состояния навигации! Повторяю, мы потеряли вектор состояния навигации!

– Возможно, полетели инерциальные измерители, – предположил Энди Мерсер, еще один астронавт-исследователь, сидевший рядом с Эммой. – Отключи их.

– Нет! Скорее всего, сбой шины данных! – вмешалась Эмма. – Думаю, надо включить резервную.

– Согласен! – крикнул Киттредж.

– Переходим на резервную, – сказала Хьюитт. Она переключилась на компьютер номер пять.

Вектор появился снова. Все с облегчением вздохнули.

Взрыв пирозарядов сигнализировал о том, что пустой топливный бак отделился. Они не видели, как он падал в море, но знали: только что они миновали очередную критическую ситуацию. Корабль теперь летел свободно, словно возвращавшаяся домой толстая, неуклюжая птица.

– Черт! Мы потеряли ВСУ!² – рявкнула Хьюитт.

Когда зазвучал очередной сигнал тревоги, Эмма лишь вздернула подбородок. Вышел из строя вспомогательный генератор. Затем снова сигнал тревоги. В панике Эмма метнула взгляд на пульты управления, где мигало множество желтых аварийных сигналов. С экранов исчезли все данные. Вместо них высвечивались только зловещие черные и белые полосы.

«Отказ всех компьютеров!» – с ужасом подумала Эмма.

Они летели без навигационных данных. Без всякой возможности управлять элевонами и аэродинамическим щитком.

– Мы с Энди пробуем оживить ВСУ! – крикнула Эмма.

– Включить резервное питание!

Хьюитт щелкнула тумблером и выругалась.

– Ребята, мне это не нравится. Ничего не происходит...

– Включи еще раз!

– Не включается!

– Корабль кренится! – закричала Эмма и почувствовала, как ее желудок повело в сторону.

Киттредж бился с ручкой управления, но крен на правый борт оказался слишком сильным. Горизонт встал вертикально, а затем и вовсе перевернулся. Потом правый борт пошел вверх, и у Эммы опять повело желудок. Следующий оборот не заставил себя ждать. Горизонт закружился перед ними, превратившись в тошнотворный вихрь неба, моря, неба, моря...

Тодес. Спираль смерти.

Эмма слышала стоны Хьюитт, слышала, как Киттредж с унылой обреченностью произнес:

– Я потерял корабль.

Вращение ускорилося, теперь впереди только падение, а затем резкий сокрушительный удар.

В кабине воцарилась тишина...

...которую нарушил бодрый голос, раздавшийся в наушниках экипажа:

– Мне жаль, ребята. Но на этот раз не получилось.

Эмма сдернула наушники:

– Это нечестно, Хейзел!

– Эй, ты просто-напросто решила нас убить, – с возмущением присоединилась к Эмме Джилл Хьюитт. – Из этой ситуации вообще не было выхода!

Эмма первой выбралась из симулятора полета. Вместе с остальными она прошла в беззаконный зал, где за пультами сидели три инструктора.

Руководитель группы Хейзел Барра с озорной улыбкой повернулась к четырем взбешенным членам экипажа Киттреджа. Хотя Хейзел, с ее вьющимися каштановыми волосами, и походила на пышущую здоровьем богиню плодородия, в действительности она была безжалостным геймером, игроком в страшные компьютерные игры; Хейзел заставляла астронавтов проходить самые сложные полетные тренировки, и если экипажу не удавалось выжить, она считала это своей личной победой. Хейзел прекрасно осознавала, что каждый запуск может закончиться катастрофой, и хотела, чтобы ее астронавты получили навыки

² ВСУ – вспомогательная силовая установка.

выживания. Потеря любой из ее команд была бы настоящим кошмаром, и Хейзел надеялась, что никогда не увидит такого, даже во сне.

– Эта тренировка и впрямь удар ниже пояса, – недовольно произнес Киттредж.

– Ну да, – не смутилась Хейзел. – Вы, ребята, все время выживаете. Пришлось сбить с вас спесь.

– Да ладно, – вмешался Энди. – Чтобы сразу два двигателя отказали на старте?! Чтобы вышла из строя магистраль данных?! И еще ВСУ?! А потом – до кучи – отказ пятого компьютера?! Столько сбоев и дефектов сразу? Так не бывает.

Еще один инструктор – Патрик – с ухмылкой обернулся к экипажу:

– Вы, ребята, даже не заметили, что мы сделали кое-что еще.

– Ну и что же это?

– Я закинул вам непонятку с датчиком кислородного бака. Кто-нибудь уловил изменения в показаниях манометра, а?

Киттредж рассмеялся:

– А у нас было на это время? Мы сражались с десятком других отказов.

Хейзел воздела свои пухлые руки, призывая к перемирию:

– Ладно, ребята. Может быть, мы и впрямь перестарались. Откровенно говоря, нас удивило, как долго вы держались. Мы хотели добавить еще один отказ, чтоб было поинтересней.

– Вы добавили целый ящик отказов, – фыркнула Хьюитт.

– Дело в том, ребята, – сказал Патрик, – что вы слишком уж самоуверенны.

– Уверены в себе, ты хочешь сказать, – поправила Эмма.

– И это неплохо, – согласилась Хейзел. – Хорошо быть уверенным в себе. На прошлой неделе во время комплексной тренировки вы продемонстрировали прекрасную командную работу. Даже Гордон Оби сказал, что он весьма впечатлен.

– Сфинкс так и сказал? – Киттредж удивленно поднял брови.

Гордон Оби был директором управления летных экипажей, человеком поразительно молчаливым и настолько отчужденным, что никто в Космическом центре имени Джонсона толком не знал его. Обычно на собраниях руководителей полетов Гордон Оби сидел, не произнося ни слова, но никто не сомневался, что мысленно он подмечал каждую мелочь. Перед Оби астронавты испытывали как благоговейный трепет, так и нешуточный страх. От него зависели назначения на полет, и он мог как подтолкнуть карьеру астронавта, так и разрушить ее. То, что Оби похвалил экипаж Киттреджа, было действительно хорошей новостью.

Но Хейзел быстро спустила их с небес на землю.

– Однако Оби обеспокоен, что вы, ребята, слишком беспечны, – добавила она. – Для вас это все еще игра.

– А чего Оби ждал от нас? – удивилась Хьюитт. – Что мы постоянно будем думать о десяти тысячах способов разбиться и сгореть?

– Катастрофа – вопрос не теоретический.

Эта спокойно произнесенная фраза мгновенно заставила их замолчать. После гибели «Челленджера» все до единого астронавты осознали: следующая катастрофа – не более чем вопрос времени. Люди, которые в буквальном смысле слова сидят верхом на ракетах, доверху заправленных топливом, чтобы рвануть вверх с тягой в две с половиной тонны, не могут беспечно относиться к опасностям своей профессии. И тем не менее они редко высказывались на тему смерти в космосе; разговор о смерти означал бы, что они допускают ее вероятность и признают: в списке экипажа следующего «Челленджера» могут стоять их имена.

Хейзел поняла, что ее слова угнетающе подействовали на экипаж. Заканчивать тренировку на такой ноте было бы неправильно, поэтому она пошла на попятную:

– Я говорю это только потому, что вы, ребята, – хорошая, цельная команда. Мне приходится стараться, чтобы выбить вас из колеи. До вашего запуска еще три месяца, а вы уже в приличной форме. Однако я все равно хочу ее улучшить.

– В общем, ребята, не задавайтесь, – резюмировал Патрик из-за своего пульта.

Боб Киттредж в притворном смирении склонил голову:

– Сейчас отправимся по домам и наденем вериги.

– Чрезмерная самоуверенность опасна, – сказала Хейзел.

Она поднялась из кресла и повернулась к Бобу. Киттредж, ветеран космических экспедиций, участник трех полетов на шаттле, превосходил ее ростом на полголовы и обладал осанкой уверенного в себе человека, характерной выправкой морского летчика, которым когда-то и был. Но Хейзел не робела ни перед Киттреджем, ни перед кем бы то ни было из астронавтов. Будь они хоть гениями науки с семью пядями во лбу, хоть военными героями, Хейзел печалилась только об одном, и печаль эта была чисто материнской: она мечтала, чтобы все вернулись на землю живыми.

– Ты очень хороший командир, Боб, – сказала она. – Настолько хороший, что тебе удалось внушить экипажу мысль, будто им все дается легко.

– Нет, они только делают вид, будто им все дается легко. Потому что они хороши во всем, даже в делании вида.

– Ну-ну, посмотрим. Комплексная тренировка назначена на вторник, на борту будут Холи и Хигучи. У нас за пазухой есть еще несколько фокусов.

Киттредж усмехнулся:

– Ладно, попробуйте убить нас. Но только, чур, не жульничать.

– Судьба редко играет по правилам, – серьезно ответила Хейзел. – Не надейтесь, что по ним буду играть я.

Эмма и Боб Киттредж сидели в баре «Ночной полет», потягивая пиво и анализируя прошедшую тренировку. Это был ритуал, который они соблюдали уже одиннадцать месяцев, с момента формирования команды, когда их четверка впервые стала экипажем, готовящимся к полету на шаттле под номером 162.

Каждый пятничный вечер они встречались в «Ночном полете», куда можно было попасть, проехав из Космического центра имени Джонсона по трассе НАСА-1, и разбирали ход тренировки. Обсуждали, что сделали правильно и что требовало исправления. Этот обычай был заведен Киттреджем, который лично подобрал каждого члена своей команды.

Хотя они проводили вместе более шестидесяти часов в неделю, казалось, Боб никогда не торопится домой. Поначалу Эмма считала, что причина тому – недавний развод Киттреджа: командир, расставшись с женой, жил теперь один и, наверное, всякий раз с ужасом думал о возвращении в пустой дом. Но, узнав его лучше, Эмма поняла: эти встречи – просто способ продлить адреналиновый кайф, получаемый им от работы. Киттредж жил ради полета. Чтение невероятно скучных руководств по эксплуатации шаттла доставляло ему истинное удовольствие. В свободное время он старался не упустить возможности полетать на одном из Т-38,³ принадлежащих НАСА. Он словно бы обижался на силу притяжения, которая приковывала его к земле.

Боб не понимал, почему остальные члены экипажа в конце дня стремятся домой; вот и в этот вечер ему было немного грустно оттого, что за столиком в «Ночном полете» сидят только они вдвоем. Джилл Хьюитт была на фортепьянном концерте своего племянника, а Энди Мерсер – дома, праздновал десятилетнюю годовщину семейной жизни. В назначен-

³ Т-38 (Нортроп Т-38 «Тэллон», *англ.* Northrop T-38 Talon) – американский двухместный сверхзвуковой учебный реактивный самолет. Используется в основном для подготовки пилотов.

ный час появились только Эмма и Киттредж, и, когда они закончили разбор последней тренировки, над их столиком повисло долгое молчание. Разговор на профессиональную тему иссяк, а больше говорить было не о чем.

– Завтра я лечу на Т-38 в Белые Пески, – сообщил Киттредж. – Хочешь со мной?

– Не могу. У меня встреча с адвокатом.

– Значит, между тобой и Джеком процесс все-таки пошел?

Эмма вздохнула:

– Даже набирает обороты. Джек привлек своего адвоката, я – своего. Этот развод как поезд, у которого сдали тормоза.

– Звучит так, словно ты уже передумала.

Эмма решительно отставила кружку с пивом.

– Ничего я не передумала.

– Тогда почему до сих пор носишь кольцо?

Она опустила взор и уставилась на свое золотое колечко. Поддавшись внезапному порыву, Эмма попыталась сдернуть его, но кольцо не сдвинулось с места. После семи лет ношения оно просто вросло в палец. Эмма чертыхнулась и дернула еще раз. На этот раз кольцо подалось и, немного ободрав кожу, соскользнуло с пальца. Эмма положила колечко на стол:

– Вот. Теперь я свободная женщина.

Киттредж рассмеялся:

– Вы разводитесь дольше, чем я был женат. Что не можете поделить?

Неожиданно ощутив усталость, Эмма откинулась на спинку стула.

– Все. Признаюсь, я тоже была не слишком благоразумна. Несколько недель назад мы сели за стол и попытались составить список всего, что у нас есть. Что из этого я хочу оставить себе и что хочет он. Мы пообещали друг другу, что будем вести себя как цивилизованные люди. Два взрослых, нормальных человека. Но, не дойдя и до половины списка, мы успели объявить друг другу тотальную войну. Бескомпромиссную. – Эмма вздохнула. На самом деле они с Джеком всегда были такие. Одинаково упрямые и одинаково пылкие. Пылкие до бешенства. Мир или война, любовь или ссора, между ними всегда вспыхивала вольтова дуга. – Единственное, в чем мы пришли к обоюдному согласию, – подытожила она, – так это в том, что я оставляю себе кота.

– Повезло тебе.

Эмма посмотрела на Боба:

– Ты не жалеешь?

– О чем? О том, что развелся? Никогда.

Хотя ответ прозвучал совершенно определенно, Боб опустил взгляд, словно старался скрыть правду, которую знали оба: он до сих пор мучился, что разошелся с женой. Даже человек, бесстрашно садящийся верхом на тысячетонную бочку взрывчатки, именуемой ракетным топливом, мог страдать от обыкновенного одиночества.

– Вот в чем проблема. Я наконец понял это, – признался Киттредж. – Штатские нас не понимают, потому что не могут разделить с нами нашу мечту. Связать свою жизнь с астронавтом могут лишь святые и мученики. Или те, кому абсолютно наплевать, живы мы или мертвы. – Он горько рассмеялся. – Бонни не походила на мученицу. И уж точно ни черта не понимала, что такое мечта.

Эмма посмотрела на кольцо, блестящее на столе.

– Зато Джек понимает, – тихо произнесла она. – Это и его мечта тоже. Вот что встало между нами – что лететь мне, а не ему. Что он остается на земле.

– Тогда Джеку пора повзрослеть и взглянуть правде в глаза. Не все сделаны из одного теста.

– Знаешь, я очень не хочу, чтобы ты считал его чем-то вроде неудачного блина.

– Послушай, но ведь он сам ушел в отставку.

– А что ему оставалось делать? Он знал, что полетов больше не будет. Если ему не позволят летать, оставаться здесь нет смысла.

– Его отстранили от полетов ради его же блага.

– Это всего лишь предположение медиков. Если в почке обнаружен камень, это еще не значит, что должен появиться второй.

– Ладно, доктор Уотсон. Ты сама врач. Скажи, ты бы хотела, чтобы Джек оказался в твоём экипаже? Зная о его проблеме со здоровьем?

Эмма помолчала.

– Да. Как врач, я бы хотела. Есть шанс, что Джек будет чувствовать себя в космосе вполне сносно. Он может принести много пользы, и я не понимаю, почему ему запретили летать. Я развожусь с ним, но уважаю его.

Киттредж засмеялся и осушил пивную кружку.

– Ты не слишком объективна, а?

Эмма начала было спорить, но потом поняла, что ей нечем крыть. Киттредж прав. Когда речь заходит о Джеке Маккаллуме, она не может быть объективной.

Оказавшись на улице, во влажной жаре летней хьюстонской ночи, она остановилась на парковке «Ночного полета» и посмотрела в небо. Огни города мешали разглядеть звезды, но она смогла разобрать знакомые созвездия. Дева, Кассиопея, Андромеда, Волосы Вероники... Всякий раз, глядя на них, Эмма вспоминала слова Джека. Они тогда лежали рядом на траве и смотрели на звезды. Это было той самой летней ночью, когда она поняла, что любит Джека. «Эмма, в небе полно женщин, – сказал он. – Ты тоже должна оказаться там».

– И ты, Джек, – тихо проговорила она.

Эмма открыла дверь машины и скользнула на водительское сиденье. Сунув руку в карман, она достала обручальное кольцо. Разглядывая его в темноте, Эмма подумала о семи годах семейной жизни, символом которой было это колечко. Все кончено, почти кончено.

Она положила кольцо обратно в карман. Левая рука казалась ей голой, незащищенной.

«Я привыкну», – решила Эмма и тронулась с места.

3

10 июля

– Все, друзья, время пошло! – воскликнул Джек, услышав завывания сирены «скорой помощи».

Выйдя на эстакаду приемного отделения, доктор Маккаллум почувствовал, что его пульс участился – явная тахикардия, – а выброс адреналина превратил нервную систему в сплетение потрескивающих от напряжения проводов. Он понятия не имел, кого везут в больницу «Майлз мемориал», знал только, что пациент будет не один. По радио им сообщили, что на шоссе 1-45 столкнулись пятнадцать машин, двое погибших и десятка два раненых. Даже если самых тяжелых пациентов отвезут в медицинский центр «Бейшор» или ближайшую клинику системы «Тексас мед», все равно небольшие больницы округа, включая «Майлз мемориал», могут оказаться переполненными.

Джек окинул взглядом эстакаду, проверяя готовность своей команды. Второй врач «скорой помощи», Анна Слезак, стояла рядом с мрачно-решительным видом. Группа сотрудников состояла из четырех медсестер, лаборантки и перепуганного стажера. Последний всего месяц назад закончил медицинский факультет и был самым зеленым членом команды, к тому же с совершенно неумелыми пальцами. «Таких только в психиатрию», – решил Джек.

Звук сирены оборвался – машина «скорой помощи» подкатила к пандусу и задним ходом въехала на эстакаду. Джек рывком распахнул заднюю дверь и бросил взгляд на пациентку – молодую женщину с перепачканными кровью волосами; ее голову и шею фиксировал шейный воротник. Когда они вытащили ее из машины, Джек повнимательней взгляделся в лицо и с ужасом узнал женщину.

– Дебби, – произнес он.

Пациентка посмотрела на Джека блуждающим взором и, судя по всему, не узнала его.

– Я Джек Маккаллум, – представился он.

– А-а, Джек... – Она закрыла глаза и простонала: – Голова болит.

Он легонько похлопал ее по плечу:

– Мы позаботимся о тебе, милая. Ни о чем не беспокойся.

Дебби вкатили в двери приемного отделения и направили в травматологию.

– Ты ее знаешь? – спросила Анна.

– Это жена Билла Ханинга. Астронавта.

– Одного из тех, кто сейчас на космической станции? – Анна коротко рассмеялась. – Вот уж действительно – дозвониться будет непросто.

– Если понадобится, мы легко с ним свяжемся. Космический центр Джонсона нам поможет.

– Хочешь, чтобы я взяла эту пациентку?

Логичный вопрос. Врачи обычно не оперируют друзей или членов своих семей: невозможно оставаться объективным, когда на операционном столе останавливается сердце у того, кого ты хорошо знаешь или любишь. Хотя Джек и Дебби порой встречались на приемах и вечеринках, Джек считал ее просто знакомой, а не другом и потому вполне мог стать ее лечащим врачом.

– Я возьму ее, – сказал он и двинулся вслед за каталкой в травматологию.

Мысленно он уже продумывал, что нужно сделать. Единственным видимым повреждением Дебби была скальпированная рана, но, поскольку у нее были явные признаки травмы головы, следовало прежде всего исключить перелом черепа и шейного отдела позвоночника.

Когда медсестры взяли кровь на анализ и аккуратно сняли с Дебби оставшуюся одежду, санитар «скорой» вкратце пересказал Джеку, что с ней произошло:

– Она была, кажется, в пятой из столкнувшихся машин. Насколько нам известно, в нее врезались сзади, автомобиль закрутило, а затем новое столкновение – удар пришелся со стороны водительского сиденья. Дверь вдавило внутрь.

– Она была в сознании, когда вы вынули ее?

– Поначалу – без сознания. Очнулась, когда мы ставили ей капельницу. Мы сразу же зафиксировали позвоночник. Давление крови и сердечный ритм были стабильны. Ей еще повезло. – Санитар покачал головой. – Видели бы вы того парня, что был в задней машине.

Джек подошел к каталке, чтобы осмотреть пациентку. Оба зрочка Дебби реагировали на свет, экстраокулярные движения были в норме. Она помнила, как ее зовут, и понимала, где находится, но не могла вспомнить дату. «Ориентация только по двум пунктам»,⁴ – подумал он. Этого достаточно, чтобы положить пациентку и понаблюдать за ней хотя бы до утра.

– Дебби, я отправляю тебя на рентген, – пояснил он. – Нам нужно убедиться, что ты ничего не сломала. – Он посмотрел на медсестру. – Быстро на томографию, череп и позвоночник. И... – Он замолчал, прислушиваясь.

Судя по звукам, к ним ехала еще одна машина «скорой помощи».

– Подготовьте ее снимки, – распорядился Маккаллум и быстро пошел назад к эстакаде, где уже снова собралась его команда.

Вслед за первым завыванием раздалось еще одно, более слабое. Джек и Анна в тревоге переглянулись. Сразу две «скорые»?

– Жаркий будет денек, – пробормотал он.

– Травматология свободна? – спросила Анна.

– Пациентку увезли на рентген.

Он шагнул навстречу машине, которая сдавала задом. Как только «скорая» остановилась, Джек рывком распахнул задние двери.

На этот раз мужчина. Средних лет, тучный. Кожа бледная и липкая. «У него шок», – сразу же подумал Джек, однако ни крови, ни признаков повреждения видно не было.

– Это один из тех, по чьей вине произошло ДТП, – начал пояснять санитар, пока они катили мужчину в процедурную. – Когда мы вытаскивали его из машины, он жаловался на боль в груди. Ритм был стабильным, небольшая тахикардия, экстрасистол не отмечалось. Верхнее – девяносто. На месте мы ввели ему морфий и нитроглицерин; кислород – на шести литрах.

Все работали слаженно. Пока Анна записывала историю и осматривала пациента, медсестры подключили электрокардиограф. Из аппарата вылезла лента. Джек оторвал ее и сразу же обратил внимание на элевацию сегмента ST в отведениях V1 и V2.

– Передний инфаркт миокарда, – сообщил он Анне.

Она кивнула:

– Я так и подумала, что он кандидат на ТАП.⁵

– Еще одна «скорая»! – крикнула из дверей медсестра.

Джек с двумя медсестрами бросился к эстакаде.

Молодая женщина кричала и корчилась на носилках. Джек взглянул на ее укороченную правую ногу: ступня была резко вывернута на сторону. Пациентку надо срочно отправлять в хирургию. Джек быстро срезал с нее одежду, и картина стала ему ясна: вклиненный перелом костей тазобедренного сустава. Бедренная кость женщины впечаталась в таз после сильного

⁴ При первичном психиатрическом обследовании определяется ориентация пациента по четырем пунктам: во времени, в месте нахождения, в том, что произошло или происходит, и в собственной личности.

⁵ ТАП – тканевый активатор плазминогена, тромболитическое средство, применяемое для лечения острого инфаркта миокарда. Для полной эффективности вводится в течение первых шести часов.

удара коленями о приборную панель автомобиля. При виде жутко деформированной ноги Джеку стало немного не по себе.

– Морфий? – спросила медсестра.

Он кивнул:

– Дайте сколько потребуется. Ей безумно больно. Определите группу крови. И как можно скорее найдите хирурга-ортопеда...

– Доктор Маккаллум, срочно в рентгенологию. Доктор Маккаллум, срочно в рентгенологию.

В тревоге Джек поднял голову.

«Дебби Ханинг?» – мелькнула мысль.

Он выбежал из приемного отделения.

Дебби лежала на диагностическом столе, над ней склонились медсестра и рентгенолаборант.

– Мы только что сделали снимки позвоночника и черепа, – сообщил лаборант, – но не смогли привести ее в сознание. Она не реагирует даже на боль.

– Сколько она без сознания?

– Не знаю. Она пролежала на столе десять-пятнадцать минут, прежде чем мы заметили, что она не реагирует.

– Вы сделали томографию?

– Компьютер не работает. Его включат через несколько часов.

Джек посветил в глаза Дебби, и сердце его сжалось. Левый зрачок был расширен и не реагировал на свет.

– Покажите снимки, – велел он.

– Снимок позвоночника уже на проекторе.

Джек быстро перешел в другую комнату и впился глазами в рентгеновский снимок, прикрепленный к проектору. Он не увидел переломов на снимке шеи – шейный отдел был в норме. Джек сдернул снимок шейного отдела и прикрепил к проектору снимок черепа. С первого взгляда он ничего особенного не увидел. Но затем заметил почти неразличимую линию, проходящую через левую височную кость. Она была такой тонкой, что казалась царапиной на пленке. Перелом.

Что, если перелом повредил левую среднюю менингеальную артерию? Это могло вызвать внутричерепное кровоотечение. Кровь скапливается, давление растет, и мозг сдавливается. Это объясняло резкое ухудшение состояния пациентки и расширенный зрачок.

Кровь нужно было срочно откачать.

– Назад в приемное! – велел он.

Через несколько секунд они зафиксировали Дебби на каталке и быстро повезли по коридору. Когда они примчали женщину в пустую процедурную, Джек крикнул дежурной:

– Передайте сообщение: «срочная нейрохирургия»! Скажите: у нас эпидуральное кровоотечение и мы готовим пациентку к трепанации.

Он знал, что Дебби нужно отвезти в операционную, но ее состояние ухудшалось так быстро, что у них не оставалось для этого времени. Процедурная теперь и станет операционной. Они переложили ее на стол и прикрепили к грудной клетке электроды ЭКГ. Дыхание Дебби стало прерывистым: пора интубировать.

Когда Джек разорвал пакет, в котором находилась эндотрахеальная трубка, медсестра крикнула:

– Остановка дыхания!

Джек ввел ларингоскоп в горло Дебби; через несколько секунд эндотрахеальная трубка была на месте, и в легкие пациентки стал поступать кислород.

Медсестра включила электробритву. Светлые волосы Дебби шелковыми прядями падали на пол.

Заглянула дежурная:

– Нейрохирург застрял в пробке! Он выберется из нее минимум через час.

– Тогда найдите кого-нибудь еще!

– Все в «Тексас меде»! Туда повезли пострадавших с травмами головы.

«Боже, у нас нет времени, – думал Джек, глядя на Дебби. С каждой минутой давление внутри ее черепа нарастало. Клетки мозга умирали. – Если бы это была моя жена, я бы не стал медлить. Ни секунды».

Он сглотнул.

– Принесите коловорот Хадсона. Я сам сделаю трепанацию. – Увидев испуганные взгляды медсестер, Джек добавил с притворной бравадой: – Это как сверлить дыры в стенке. Я уже делал такое раньше.

Пока медсестры готовили к операции только что обритую голову Дебби, Джек надел хирургический халат и перчатки. Он разместил на черепе стерильные салфетки и удивился, что его руки не дрожат, хотя сердце билось просто бешено. Джеку действительно как-то раз довелось сверлить трепанационные отверстия, но это было несколько лет назад и под присмотром нейрохирурга.

«Времени больше нет. Она умирает. Действуй», – сказал он себе.

Джек потянулся за скальпелем и сделал надрез кожи над левой височной костью. Потекла кровь. Он промокнул ее и прижег кровоточащие сосуды. Удерживая кожу с помощью ранорасширителя, Джек взрезал сухожильный шлем, достиг надкостницы и отскреб ее raspатором, обнажив поверхность черепа.

Затем взял в руки коловорот Хадсона. Это было механическое устройство, приводимое в движение вручную и казавшееся антиквариатом, чем-то вроде инструмента из дедовской столярной мастерской. Сначала Джек поработал перфоратором – похожим на лопатку сверлом, – сделав небольшое углубление в кости, чтобы потом легче было сверлить отверстие. Затем сменил перфоратор на другое сверло – с конусообразной многолезвийной насадкой. Он глубоко вдохнул, приставил насадку к углублению и начал сверлить. На лбу Джека выступили первые бисеринки пота. Он делал трепанацию, не дождавшись результатов компьютерной томографии, руководствуясь лишь собственным заключением. Он даже не знал, в правильном ли месте сверлит.

Вдруг из трепанационного отверстия, заливая хирургические салфетки, хлынул поток крови.

Медсестра принесла лоток. Вынув сверло, Джек некоторое время наблюдал, как кровь, ровной красной струей вытекая из черепа, образует в лотке блестящую лужицу. Он правильно определил место. По мере истечения крови давление в мозгу Дебби Ханнинг уменьшалось.

Джек сделал глубокий выдох. Напряжение наконец отпустило его, наполнив мускулы ноющей болью.

– Приготовьте костный воск, – сказал Джек.

Затем опустил дрель и потянулся за дренажным катетером.

Белая мышь висела в воздухе, точно в прозрачном море. Доктор Эмма Уотсон плыла к ней, изящно двигая руками и ногами, грациозная, как подводная танцовщица. Выющиеся пряди ее темно-каштановых волос образовывали призрачный нимб. Эмма схватила мышь и медленно повернулась к камере. Она вытащила шприц и иглу.

Этот сюжет был снят два года назад, на борту шаттла «Атлантис» во время 141-го запуска, но по-прежнему был любимым рекламным фильмом Гордона Оби, и именно по

этой причине его крутили теперь на всех мониторах аудитории Тига в Космическом центре Джонсона. На быструю и гибкую Эмму Уотсон было приятно смотреть. В ней была какая-то искорка, а во взгляде читалось неподдельное любопытство. От тоненького шрама над бровью до переднего зуба с крошечной щербинкой (если судить по рассказам, это память о рискованном спуске на горных лыжах) ее лицо свидетельствовало о бурной жизни. Но для Гордона главной привлекательной чертой Эммы был ее интеллект. Ее знания. Он следил за карьерой Эммы в НАСА с любопытством, которое не имело ничего общего с интересом к привлекательной женщине.

Как директор управления летных экипажей, Гордон Оби обладал большой властью по части подбора команд и старался держаться нейтрально – кое-кто сказал бы: бездушно – по отношению к астронавтам. Когда-то он и сам был одним из них, дважды летал в качестве командира шаттла. Уже тогда этого отчужденного, загадочного человека, не умевшего болтать по пустякам, называли Сфинксом. Собственное молчание и относительная анонимность вполне устраивали его. И хотя он сидел в президиуме вместе с множеством чиновников из НАСА, большинство присутствовавших в зале не знали, что за человек Гордон Оби. Он выполнял роль части интервьюера. Как и сюжет с Эммой Уотсон: красивое лицо, привлекающее собравшихся.

Видео закончилось, сменившись логотипом НАСА, который сотрудники любовно называли фрикаделькой: усеянный звездами синий круг, украшенный эллипсом орбиты и углом из красных косых черт. Администратор НАСА Лерой Корнелл и директор Космического центра имени Джонсона Кен Бланкеншип вышли на трибуну, чтобы ответить на вопросы. Если говорить откровенно, их миссия заключалась в выуживании денег, и сейчас они предстали перед скептически настроенным сборищем конгрессменов, сенаторов, членов различных подкомиссий, определявших бюджет НАСА. Второй год подряд НАСА подвергалось разорительным финансовым сокращениям, и с недавних пор в коридорах Космического центра Джонсона витали мрачные предчувствия.

Глядя на аудиторию, заполненную хорошо одетыми мужчинами и женщинами, Гордон чувствовал себя так, словно видел инопланетян. Да что с этими политиками? Почему они настолько недалёковидны? Оби не понимал, почему они не разделяют его горячей убежденности в том, что от животного человека отличает жажда знаний. Чаще всего дети задают вопрос «почему?». Они с рождения запрограммированы на любопытство, исследование, поиск научных истин.

Но эти избранные народом чиновники давно утратили любопытство, которое выделяет человека. Они прибыли в Хьюстон не для того, чтобы спросить «почему?», а для того, чтобы задать вопрос: «Зачем нам это нужно?»

Это Корнелл придумал умаслить их тем, что цинично называл «экскурсией имени Тома Хэнкса» – намек на фильм «Аполлон-13», который до сих пор считается лучшей рекламой НАСА. Корнелл уже познакомил их с новейшими достижениями на борту Международной космической станции. Он дал им возможность пожать руку настоящим астронавтам. Чего каждый из них хотел? Прикоснуться к знаменитости, к герою? Затем последовала прогулка по Космическому центру Джонсона, начавшись с Тридцатого корпуса и Центра управления полетами. Пусть собравшиеся не в состоянии отличить пульт управления от игровой приставки «Нинтендо», эта сияющая техника, без сомнения, поразит их и переманит на сторону насовцев.

«Все без толку, – с тревогой думал Гордон. – Этих политиков голыми руками не возьмешь».

НАСА столкнулось с мощными противниками. Первым из них оказался сенатор Фил Париш, сидевший в первом ряду. Этому бескомпромиссному семидесятилетнему милитаристу из Южной Каролины важнее всего сохранить оборонный бюджет, который стал про-

клятием НАСА. Париш выпростал свои сто тридцать пять килограммов из кресла и вышел вперед, обращаясь к Корнеллу и по-джентльменски подчеркнуто растягивая слова.

– Ради этой станции ваше агентство превысило бюджет на миллиард долларов, – заявил он. – Я не думаю, что американский народ жаждет пожертвовать своей обороноспособностью ради того, чтобы вы имели возможность болтаться там наверху и проводить эти заумные эксперименты. Это же международное достижение, верно? Насколько я понял, именно мы оплачиваем большую часть счетов. Как я объясню необходимость этой разорительной игрушки простым гражданам Южной Каролины?

Администратор НАСА отвечал, изображая образцовую улыбку. Он был «политическим животным», рубахой-парнем, его личное обаяние превратило Корнелла в любимца вашингтонской прессы; в столице он и проводил большую часть времени, обхаживая конгресс и Белый дом в поисках денег для космического агентства, чей бюджет вечно испытывал дефицит. Он был «публичным» лицом НАСА, тогда как Кен Бланкеншип, отвечающий за будничную работу Космического центра, был лицом «внутренним», известным только сотрудникам агентства. Это были «инь» и «ян» руководства НАСА. Они так отличались друг от друга по темпераменту, что трудно было представить, как они работают в одной команде. Сотрудники НАСА любили говорить, что в Лерое Корнелле полно стиля и никакой реальной ценности, а в Бланкеншипе полно ценности, зато нет никакого стиля.

Корнелл вежливо ответил на вопрос сенатора Париша:

– Вас интересует, почему другие страны не вкладываются в проект? Сенатор, дело в том, что они уже вложились. Это действительно международная космическая станция. Да, русские находятся в очень стесненном положении. Да, нам пришлось внести недостающие средства. Но и они сделали свой вклад в станцию. Их космонавт сейчас на борту, и они используют любую возможность, чтобы помочь нам в поддержании работы МКС. А ответом на вопрос, зачем нам нужна станция, станут проведенные биологические и медицинские исследования. Исследования в области материаловедения, геофизики. И результаты этих исследований не заставят себя ждать.

В зале поднялся еще один человек, и Гордон почувствовал, что у него повышается давление. Если Оби и презирал кого-то сильнее, чем сенатора Париша, то только конгрессмена из Монтаны Джо Беллингема, чей образ «человека Мальборо» не мог скрыть научного кретинизма. Во время своей последней кампании он требовал, чтобы в школах начали изучать креационизм, выбросили учебники по биологии и открыли вместо них Библию. «Не исключено, что, по его мнению, ракеты приводят в движение ангелы».

– А как насчет технологий, разработанных совместно с русскими и японцами? – спросил Беллингем. – Меня беспокоит то, что мы бесплатно делимся высокотехнологичными секретами. Ваше международное сотрудничество выглядит таким благородным и все такое, а что, если они используют полученные знания против нас? Почему мы должны доверять русским?

Страх и паранойя. Невежество и суеверие. Как этого еще много в стране! Гордон все больше мрачнел, слушая Беллингема. И даже с отвращением отвернулся.

Вдруг Оби заметил Хэнка Миллара, угрюмо вошедшего в зал. Миллар был главой отдела астронавтики НАСА. Хэнк посмотрел на Гордона, и тот сразу же понял: что-то случилось.

Гордон тихо покинул президиум, и они с Хэнком отправились в коридор.

– Что случилось?

– Произошел несчастный случай. С женой Билла Ханинга. Нам сообщили, что дела плохи.

– Боже.

– Боб Киттредж и Вуди Эллис ждут в отделе по связям с общественностью. Нам нужно переговорить.

Гордон кивнул. Бросив взгляд в открытую дверь аудитории, он увидел конгрессмена Беллингема, который продолжал разглагольствовать по поводу того, что делиться технологиями с коммунистами опасно, затем последовал за Хэнком к выходу, пересек двор и вошел в соседнее здание.

Они встретились в служебном помещении. Киттредж, командир полета 162, был возбужден. Вуди Эллис, руководитель полета МКС, выглядел намного спокойней, хотя Гордон еще ни разу не видел Эллиса расстроенным, даже в самых сложных ситуациях.

– Авария серьезная? – спросил Гордон.

– На шоссе 1-45 образовалась жуткая свалка. В автомобиль госпожи Ханинг врезалось несколько машин, – сообщил Хэнк. – «Скорая» отвезла пострадавшую в «Майлз мемориал». Там ее принял Джек Маккаллум.

Гордон кивнул. Все они хорошо знали Джека. Пусть он больше не числился астронавтом, зато продолжал фигурировать в списке бортврачей. Год назад он отстранился от большей части своих обязанностей в НАСА и теперь работал врачом «скорой помощи» в частном секторе.

– Это Джек позвонил нам с сообщением о Дебби, – уточнил Хэнк.

– Он сказал что-нибудь о ее состоянии?

– Тяжелая травма головы. Она в отделении интенсивной терапии, в коме.

– Какой прогноз?

– Он не смог ответить на этот вопрос.

Все замолчали, оценивая, чем может обернуться эта трагедия для НАСА. Хэнк вздохнул:

– Нам придется сообщить Биллу. Мы не можем скрыть от него это известие. Проблема в том...

Он не договорил. Да и не надо было – все понимали, в чем дело.

Билл Ханинг провел на борту МКС только месяц из запланированных четырех. Это известие эмоционально истощит его. Продолжительному пребыванию в космосе может помешать прежде всего эмоциональная травма, этого в НАСА и боялись. Астронавт в угнетенном состоянии может нанести непоправимый вред полету. Несколько годами ранее на «Мире» произошла подобная ситуация, когда космонавту Владимиру Дежурову сообщили о смерти его матери. Он несколько дней провел взаперти в одном из модулей «Мира» и отказывался выходить на связь с Московским центром управления полетами. Его горе нарушило работу всех находившихся на борту «Мира».

– Дебби и Билл очень близки, – заметил Хэнк. – Уже сейчас могу сказать, что Биллу будет очень тяжело.

– Ты советуешь заменить его? – спросил Гордон.

– Пусть возвращается на ближайшем шаттле. Ему и так придется несладко, ведь еще две недели он пробудет на орбите у всех на виду. Мы не можем потребовать, чтобы он остался там еще на три месяца. У них двое детей, – тихо добавил Хэнк.

– Его дублер на МКС – Эмма Уотсон, – сказал Вуди Эллис. – Мы можем послать ее на шаттле сто шестьдесят. С экипажем Вэнса.

Услышав имя Эммы, Гордон изо всех сил старался ничем не выдать своего интереса. Или каких-либо иных чувств.

– Что вы думаете об Уотсон? Она готова отправиться на орбиту на три месяца раньше?

– Она и должна была сменить Билла. Эмма уже готова провести большинство экспериментов на борту. Я полагаю, это вполне реальная альтернатива.

– Я не очень рад этому, – произнес Боб Киттредж.

Гордон устало вздохнул и повернулся к командиру шаттла:

– А я и не думал, что вы обрадуетесь.

– Уотсон – важная часть моего экипажа. Мы стали единой командой. Я очень не хочу разбивать экипаж.

– До старта вашего экипажа три месяца. У вас есть время для корректировки.

– Вы сильно усложняете мне работу.

– То есть вы хотите сказать, что за это время не сможете создать новую команду?

Киттредж поджал губы:

– Я только хочу сказать, что мой экипаж является работоспособной единицей. И мы не станем прыгать от восторга, если потеряем Уотсон.

Гордон посмотрел на Хэнка:

– Как насчет шаттла сто шестьдесят? Вэнса и его команды?

– Никаких проблем. Уотсон будет дополнительным пассажиром на средней палубе. Они доставят ее на МКС, как и любую другую полезную нагрузку.

Гордон обдумал все это. Они продолжали обсуждать возможности, а не факты. Вероятно, Дебби Ханнинг придет в себя, и Билл сможет остаться на МКС, как и было запланировано. Но Гордон, как и все сотрудники НАСА, научился составлять план на случай непредвиденной ситуации, иметь про запас схему действий для любого исхода событий.

Он посмотрел на Вуди Эллиса, требуя окончательного подтверждения. Вуди кивнул.

– Ладно, – согласился Гордон. – Найдите мне Эмму Уотсон.

Она увидела его в дальнем конце больничного коридора. Он разговаривал с Хэнком Милларом и стоял к ней спиной; пусть на нем красовалась стандартная зеленая униформа хирурга, Эмма точно знала – это Джек. Чтобы узнать своего супруга после семи лет брака, необязательно видеть лицо.

Так же он стоял и в день их знакомства в приемном отделении главной больницы Сан-Франциско, где они вместе стажировались. Он стоял у поста медсестры, заполняя карту; его широкие плечи поникли от усталости, а волосы были взъерошены так, словно он только что встал с постели. Так оно и было – после безумной ночи на дежурстве. Лицо его было небритым, взгляд – усталым, но, когда он повернулся и посмотрел на Эмму, между ними мгновенно возникло притяжение.

С того дня Джек постарел на десять лет, его темные волосы уже тронула седина, а вот поникшие плечи по-прежнему выдавали усталость. Эмма не видела его три недели. Несколько дней назад между ними состоялся короткий телефонный разговор, обернувшийся очередной шумной ссорой. Они были не в состоянии вести себя разумно, не могли спокойно разговаривать, пусть даже недолго.

Поэтому, когда Эмма шла к нему по коридору, ее охватывали мрачные предчувствия.

Хэнк Миллар первым заметил Эмму и тут же напрягся: словно зная, что грядет битва, он хотел унести ноги, прежде чем начнется пальба. Джек, похоже, заметил эту перемену на физиономии Хэнка и обернулся, чтобы посмотреть на причину.

Увидев Эмму, он, казалось, замер, на лице появилась непроизвольная полуулыбка приветствия. Ее можно было истолковать и как удивление, и как радость. Затем, словно опомнившись, он перестал улыбаться, и его лицо стало просто нейтральным – не приветливым, но и не враждебным. «Лицо незнакомца», – подумала она. Так было еще больше – уж лучше бы он встретил Эмму открытой ненавистью. Тогда бы он продемонстрировал хоть какие-то эмоции, остатки, пусть даже очень жалкие, их когда-то счастливого брака.

Эмма вдруг поймала себя на том, что и ее лицо не менее нейтрально, чем вялая физиономия Джека. Заговорив, она обратилась сразу к обоим мужчинам, никого не выделяя.

– Гордон рассказал мне о Дебби, – объяснила Эмма. – Как она?

Хэнк взглянул на Джека, ожидая, что тот ответит первым. Наконец Джек произнес:
– Она до сих пор без сознания. Мы устроили что-то вроде дежурства в приемной. Присоединяйся, если хочешь.

– Да. Конечно.

Она направилась в комнату посетителей.

– Эмма! – окликнул Джек. – Мы можем поговорить?

– Увидимся позже, – произнес Хэнк и поспешно ретировался.

Они подождали, пока Миллар не завернет за угол, затем посмотрели друг на друга.

– Дела Дебби плохи, – признался Джек.

– Что произошло?

– У нее было эпидуральное кровоизлияние. Она пришла в сознание и говорила. За несколько минут ее состояние резко ухудшилось. Я был занят другим пациентом. И не догадался вовремя. Медлил с трепанацией, пока... – Он замолчал и отвернулся. – Она на искусственном дыхании.

Эмма хотела было протянуть к нему руку, но передумала, зная, что Джек стряхнет ее. Он уже давно перестал выслушивать от нее слова утешения. Какими бы ни были ее речи, сколько бы чувства она в них ни вкладывала, он счел бы это жалостью. А жалость Джек презирал.

– Такое трудно диагностировать, Джек, – только и смогла сказать она.

– Я должен был сделать это раньше.

– Ты сказал, что ее состояние быстро ухудшалось. Не стоит себя корить.

– Мне от этого не лучше.

– Я и не пытаюсь облегчить твои страдания! – с раздражением воскликнула Эмма. – Я просто указываю на тот факт, что ты поставил правильный диагноз. И действовал соответственно ему. Ты можешь хоть раз отнестись к себе не так строго?

– Послушай, речь сейчас не обо мне, – отрезал Джек. – Речь о тебе.

– Ты о чем?

– Дебби еще не скоро выпишется из больницы. А это значит, что Билл...

– Я знаю. Гордон Оби уже сообщил мне.

Джек помолчал немного.

– Дело решенное?

Эмма кивнула.

– Билл возвращается. Я заменю его на следующем полете. – Она посмотрела в сторону отделения интенсивной терапии. – У них двое детей, – тихо произнесла она. – Билл не может оставаться на орбите еще три месяца.

– Ты не готова. У тебя не было времени...

– Я подготовлюсь.

Она повернулась, чтобы уйти.

– Эмма!

Джек протянул руку, чтобы остановить ее, и это прикосновение поразило Эмму. Она обернулась. Джек тут же опустил руку.

– Когда ты уезжаешь в Центр Кеннеди? – спросил он.

– Через неделю. На карантин.

Казалось, Джек был ошеломлен. Он стоял и молча переваривал новость.

– Да, кстати, – сказала Эмма, – ты не мог бы взять Хамфри, пока меня не будет?

– А почему ты не хочешь отдать его в кошачью гостиницу?

– Жестоко держать кота взаперти три месяца.

– Этому чудовищу уже удалили когти?

– Да ладно, Джек. Он дерет вещи, только когда чувствует нехватку заботы. Уделяй ему внимание, и он оставит твою мебель в покое.

Джек поднял взгляд, когда по внутренней связи раздался вызов: «Доктор Маккаллум, в реанимацию. Доктор Маккаллум, в реанимацию».

– Кажется, тебе пора, – заметила Эмма, собираясь уходить.

– Подожди. Все это слишком быстро. У нас нет времени поговорить.

– Если ты о разводе, то, пока меня не будет, адвокат сможет ответить на все твои вопросы.

– Нет! – Джек напугал ее резкостью и гневом в голосе. – Я не желаю разговаривать с твоим адвокатом!

– Что ты хотел мне сказать?

Некоторое время он пристально смотрел на Эмму, словно подбирая слова.

– Речь об этом полете, – наконец произнес Джек. – Все слишком поспешно. Мне это не нравится.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебя поставили на замену в последний момент. Ты летишь с другим экипажем.

– У Вэнса слаженная команда. Все будет хорошо.

– А МКС? Возможно, тебе придется оставаться на орбите шесть месяцев.

– Я справлюсь.

– Но это не было запланировано. Все было решено в последнюю минуту.

– А что, по-твоему, мне следует сделать, Джек? Отказаться?

– Я не знаю! – В досаде он провел рукой по волосам. – Не знаю.

Некоторое время они стояли молча – никто не находил слов, никто не решался закончить разговор.

«Семь лет брака, – подумала Эмма, – и вот итог. Два человека, которые не могут жить вместе, но и расстаться не могут. А теперь еще и не хватает времени уладить наши дела».

По внутренней связи раздался очередной вызов: «Доктор Маккаллум, немедленно в реанимацию».

Джек с тревогой посмотрел на жену:

– Эмма...

– Иди, Джек, – поторопила она. – Тебе пора.

В отчаянии он махнул рукой и бросился бегом в реанимацию. Повернувшись, Эмма двинулась в противоположном направлении.

4

12 июля

На борту МКС

Через иллюминаторы Нода-1 доктор Уильям Ханинг смотрел на водоворот облаков над Атлантическим океаном в трехстах пятидесяти километрах под ним. Он коснулся стекла, пальцы скользнули по преграде, защищавшей его от безвоздушного пространства. Еще одно препятствие, которое отделяло его от дома. От жены. Он смотрел, как под ним вращается Земля, как медленно скользят мимо Атлантический океан, Северная Африка, а затем Индийский океан. Подступала ночная тьма. И несмотря на то что тело находилось в невесомости и плавало в пространстве, горе тяжким грузом сдавливало грудь, и он едва дышал.

Где-то в хьюстонской больнице в эту минуту его жена боролась за жизнь, а он ничем не мог ей помочь. Билл вынужден провести на станции еще две недели, он не может оказаться рядом, прикоснуться к Дебби, все, что ему остается, – смотреть на тот самый город, где теперь, быть может, она умирает. Он мог сделать только одно – закрыть глаза и попытаться представить, что он сидит возле жены, что их пальцы сплетены.

«Держись. Не сдавайся. Я скоро буду дома».

– Билл, ты в порядке?

Обернувшись, он увидел Диану Эстес – она вплывала в модуль из американской лаборатории. Билл удивился, что она обеспокоена его самочувствием. Даже спустя месяц проживания бок о бок между Биллом и этой англичанкой не возникло теплых отношений. Она казалась слишком холодной, слишком спокойной. И хотя Диана была платиновой блондинкой, она не вызывала в нем симпатии, да и сама не выказывала даже намеков на интерес к Биллу. К тому же ее внимание целиком и полностью занимал Майкл Григгс. Тот факт, что у Григгса на Земле осталась жена, казалось, ничего для них не значил. Здесь, на МКС, Диана и Григгс были компонентами двойной звезды, вращавшимися друг вокруг друга, связанными неким мощным притяжением.

Это только одна из неприятностей, возникающих, когда шесть человек из четырех стран вынуждены жить бок о бок, не имея возможности покинуть свое обиталище. Всегда существовали постоянно менявшиеся союзы и группировки, всякий раз появлялись новые «мы» и «они». Стресс, вызванный долгим проживанием в ограниченном пространстве, на каждом из них отражался по-разному. Николай Руденко, русский, который прожил на борту МКС дольше всех, с недавних пор стал угрюмым и раздражительным. Кеничи Хираи из Национального космического агентства Японии так расстраивался из-за плохого знания английского, что часто впадал в тяжелое молчание. Только Лютер Эймс дружил со всеми. Когда Хьюстон сообщил плохие новости о Дебби, только Лютер понял, что нужно сказать Биллу, и его слова шли из самого сердца. Лютер родился в Алабаме в семье чернокожего священника и унаследовал от отца дар утешения.

– Билл, тут и раздумывать нечего, – сказал Лютер. – Ты должен отправиться домой к жене. Передай Хьюстону, чтобы за тобой прислали лимузин, а не то будут иметь дело со мной.

Диана повела себя совершенно по-другому. Всегда рациональная, она спокойно указала на то, что Билл ничем не сможет ускорить выздоровление жены. Дебби находится в

коме, она даже не поймет, что он рядом. «Холодная и хрупкая, как кристаллы, которые она выращивает в лаборатории», – подумал Билл о Диане.

Вот почему его удивил ее вопрос. Она не стала подплывать ближе, держась на расстоянии, как всегда. Ее длинные светлые волосы колыхались вокруг лица, словно морские водоросли.

Билл снова повернулся к иллюминатору.

– Жду, когда покажется Хьюстон, – ответил он.

– Тебе пришли электронные письма от владельцев полезной нагрузки.

Он молча смотрел вниз, на мерцающие огни Токио: туда острием ножа подбирался рассвет.

– Билл, кое-что требует твоего внимания. Если ты не в состоянии заниматься работой, придется распределить твои обязанности среди остальных членов экипажа.

Обязанности. Так вот о чем хотела поговорить Диана! Не о его трагедии, а о том, можно ли рассчитывать, что Билл будет выполнять порученные ему задания. Каждый день на борту МКС был расписан по минутам, времени для размышлений или печали почти не оставалось. Если один из членов экипажа оказывался нетрудоспособным, его должны были заменить остальные, иначе эксперименты проведены не будут.

– Иногда, – произнесла Диана с неумолимой логикой, – работа очень помогает отвлекаться от горя.

Билл коснулся пальцем пятна света, это был Токио.

– Диана, не притворяйся, что у тебя есть сердце. Этому никто не поверит.

На мгновение она замолчала. Билл слышал только непрерывный шум работавшей космической станции – звук, к которому он так привык, что едва замечал его.

Диана невозмутимо продолжила:

– Я прекрасно понимаю, что у тебя сейчас трудный период. И знаю – нелегко оставаться на станции и не иметь возможности вернуться на Землю. Но у тебя нет другого выхода, все равно придется ждать шаттла.

Он горько рассмеялся:

– Зачем ждать? Я могу оказаться дома через четыре часа.

– Хватит, Билл. Не дури.

– А я и не дую. Я просто сяду в корабль аварийного спасения и улечу.

– Хочешь, чтобы у нас не осталось возможности эвакуироваться? Это необдуманый поступок. – Она помолчала. – Знаешь, наверное, будет лучше, если ты начнешь принимать какие-нибудь лекарства, это облегчит твое состояние.

Билл повернулся к Диане, и вся его боль, все его горе обратились в ярость.

– Прими таблетку, и все пройдет, да?

– Возможно. Билл, я просто хочу удостовериться, что ты не собираешься совершать неблагоразумные поступки.

– Да иди ты.

Он оттолкнулся от иллюминатора и проплыл мимо нее к лабораторному люку.

– Билл!

– Как ты любезно указала, мне есть чем заняться.

– Я сказала, что мы можем разделить твои обязанности. Если ты считаешь, что...

– Я выполню свою чертову работу!

Билл проплыл в американскую лабораторию. Ему стало легче оттого, что Диана не последовала за ним. Оглянувшись, он увидел, как Диана плывет к жилому модулю – наверняка чтобы проверить состояние корабля аварийного спасения. Этот аппарат, способный эвакуировать всех шестерых членов экипажа, был единственной «спасательной шлюпкой», которая могла бы доставить их домой, если бы на станции разразилась катастрофа. Билл

напугал ее, сказав, что собирается угнать аппарат, и жалел об этом. Теперь Диана будет следить за ним, ожидая признаков нервного срыва.

Довольно тягостно сидеть внутри этой блестящей консервной банки в трехстах пятидесяти километрах от Земли. А если к тому же находишься под наблюдением и подозрением, то пребывание на станции становится и вовсе невыносимым. Несмотря на то что Билл отчаянно хотел вернуться домой, стойкость не изменила ему. Годы подготовки и тесты на психологическую совместимость подтвердили, что Билл Ханинг – профессионал и совершенно точно не способен подвергнуть опасности своих коллег.

Привычным движением отталкиваясь от одной из стен, он плыл по лабораторному модулю к своему рабочему месту. Там он проверил последние электронные сообщения. Диана была права только в одном: работа отвлечет его от мыслей о Дебби.

Большая часть писем пришла из Исследовательского центра имени Эймса в Калифорнии, это были обычные запросы о подтверждении сведений. Многими экспериментами руководили с Земли, и некоторые ученые ставили под сомнения полученные сведения. Билл просмотрел сообщения, скривившись при виде очередной просьбы прислать образцы мочи и кала астронавтов. Вдруг он замер, бросив взгляд на одно из новых сообщений.

Это было сообщение иного рода. Не из Центра имени Эймса, а из какого-то частного Центра управления полезными грузками. Частный бизнес оплачивал большое количество экспериментов, проводимых на борту станции, и Билл часто получал электронные письма от ученых, не имевших отношения к НАСА.

Это сообщение пришло из компании «СиСайенс», Ла-Хойя, Калифорния.

Доктору Уильяму Ханингу, биологические исследования, МКС.

От ведущего исследователя Хелен Кёниг.

Тема: Эксперимент БКК № 23 (клеточная культура археон).

Сообщение: Самые последние полученные нами данные указывают на резкое и неожиданное увеличение массы клеточной культуры. Пожалуйста, проверьте этот факт измерителем массы.

«Очередной запрос из серии „подай-принеси“», – подумал он. Многие орбитальные эксперименты управлялись учеными с Земли. Данные фиксировались внутри различных лабораторных стоек на видео или автоматическими приборами для взятия проб, а результаты отправлялись напрямиком к исследователям. Из-за сложности оборудования на борту МКС временные сбои были неизбежны. Для этого здесь и нужны были люди – чтобы отыскивать неисправности буйной электроники.

В компьютере с данными о полезной нагрузке Билл открыл файл «БКК № 23» и просмотрел протокол. Клетки культуры – археоны, бактериоподобные морские микроорганизмы – были собраны в глубоководных гидротермальных жерлах. Для человека они безопасны.

Билл проплыл через лабораторию к стойке с клеточными культурами и вдел обтянутые гольфами ноги в стремена, чтобы зафиксировать положение. Нужный ему блок, по форме напоминавший короб, был снабжен собственной системой подачи и обработки воды для непрерывного опрыскивания двух десятков клеточных культур и образцов тканей. Большинство экспериментов были саморегулирующимися и не требовали никакого вмешательства. За четыре недели на борту МКС Билл только однажды взглянул на пробирку под номером 23.

Он вытащил ящик с образцами клеток. Двадцать четыре культуры в пробирках были укреплены по периметру блока. Билл нашел номер 23 и вытащил пробирку из поддона.

И его тут же охватила тревога. Крышка вздулась словно под давлением. Вместо мутноватой жидкости он увидел нечто яркого сине-зеленого цвета. Билл перевернул пробирку, но культура не сдвинулась с места. Из жидкости она превратилась в густую, вязкую массу.

Он настроил микроизмеритель массы и вставил пробирку в углубление для образцов. Через мгновение на экране появились данные.

«Что-то здесь нечисто, – решил он. – Должно быть, какая-то инфекция. Либо образец с самого начала был заражен, либо другой организм, проникнув в пробирку, уничтожил первичную культуру».

Он набрал ответ доктору Кёниг:

...Полученные Вами сведения подтверждены. На вид культура сильно изменилась. Теперь это не жидкость, а желатинозная масса, яркого, почти неоновом сине-зеленого цвета. Следует иметь в виду вероятность заражения...

Он остановился. Была еще одна вероятность – эффект микрогравитации. На Земле тканевые культуры растут плоским слоем, увеличиваясь только в двух направлениях по поверхности контейнера. В невесомости, освободившись от силы гравитации, те же самые культуры начинают вести себя иначе. Они растут в трех направлениях, принимая формы, которые никогда не принимали на Земле.

Что, если номер 23 не был заражен? Что, если это результат поведения археонов в невесомости?

Но от этой мысли ему сразу же пришлось отказаться. Изменения были слишком серьезными. Невесомость не способна превратить одноклеточный организм в невероятную зеленую массу.

Он набрал:

...Мы вернем образцы культуры № 23 со следующим шаттлом. Сообщите, пожалуйста, о дальнейших инструкциях...

Раздался лязг выдвигаемого ящика. Билл вздрогнул. Обернувшись, он увидел Кеничи Хираи, который был занят экспериментами у своей стойки. Давно ли он здесь? Японец так тихо проник в лабораторию, что Билл его даже не заметил. В мире, где нет понятия «пол» и «потолок», где не слышны звуки шагов, устное приветствие часто оказывается единственным способом предупредить других о своем присутствии.

Заметив взгляд Билла, Кеничи лишь приветственно кивнул и продолжил работу. Билла раздражало его молчание. Беззвучно передвигавшийся и заставлявший окружающих вздрагивать, Кеничи походил на привидение. Билл знал, в чем причина: Кеничи плохо говорил по-английски и, дабы избежать неловкости, решил общаться как можно реже или вообще молчать. И тем не менее он мог хотя бы говорить «привет», вливаясь в модуль, чтобы не действовать на нервы своим коллегам.

Билл снова сосредоточился на пробирке под номером 23. Как выглядит эта желатинозная масса под микроскопом?

Он положил пробирку номер 23 в плексигласовую защитную камеру с перчатками, закрыл люк и вставил руки в перчатки. Если утечка и произойдет, то только в пределах камеры. Плавающая по станции жидкость в условиях микрогравитации может пагубно сказаться на электропроводке. Билл осторожно вскрыл пробирку. Он знал, что содержимое находится под давлением, потому что видел: крышка вздулась. Но тем не менее поразился, когда крышка вдруг вылетела из пробирки, словно пробка из бутылки шампанского.

Билл инстинктивно отпрянул, когда по камере расплылось сине-зеленое пятно. На мгновение масса прилипла к стенкам, подрагивая, словно живая. Она и была живая, эта желатинозная масса микроорганизмов.

– Билл, нам надо поговорить.

Он вздрогнул, услышав голос. Ханинг быстро закрыл крышкой пробирку и, обернувшись, взглянул на Майкла Григгса, только что вливающего в модуль. За ним следовала

Диана. «Красавцы», – подумал Билл. Они великолепно смотрелись в форменных темно-синих рубашках НАСА и зеленовато-синих шортах.

– Диана говорит, у тебя проблемы, – начал Григгс. – Мы только что беседовали с Хьюстоном, и там считают, что лекарства тебе не помешают. Помогут продержаться еще несколько дней.

– Вы и Хьюстон этим напрягли, да?

– Они беспокоятся о тебе. Мы все беспокоимся.

– Послушайте, что касается корабля аварийного спасения, то я пошутил.

– Ты заставляешь нас нервничать.

– Мне не нужно успокоительное. Лучше оставьте меня в покое.

Билл вытащил пробирку из камеры и вернул ее на место в стойке. Он был рассержен и не мог работать.

– Билл, мы должны доверять тебе. Здесь, на станции, все друг от друга зависят.

Билл в ярости повернулся к ним:

– Вы что, видите перед собой психа? Да?

– Сейчас ты думаешь только о жене. Я понимаю это. И...

– Тебе этого не понять. Вряд ли ты часто вспоминаешь о своей жене.

Он бросил недвусмысленный взгляд на Диану, затем метнулся вдоль модуля в соединительный узел. Он хотел перейти в бытовой отсек, но передумал, увидев Лютера, который собирался есть.

«Негде спрятаться. Негде побыть наедине с собой».

Вдруг на глаза навернулись слезы, Билл повернулся и снова направился к иллюминатору.

Отвернувшись от всех, он смотрел на Землю. В иллюминаторе появлялось Тихоокеанское побережье. Еще один рассвет, еще один закат.

И вечное ожидание.

Кеничи наблюдал, как Григгс и Диана выплывают из лабораторного модуля, ловко отталкиваясь от стен. Они скользили грациозно, словно светловолосые боги. Кеничи частенько подглядывал за ними тайком, особенно ему нравилось наблюдать за Дианой Эстес, такой светловолосой и светлокожей, почти прозрачной.

Когда они ушли из лаборатории, Кеничи остался там один и наконец-то смог расслабиться. На станции столько конфликтов! Это действовало на нервы и мешало сосредоточиться. По натуре он был спокойным, и работа в одиночестве вполне устраивала его. Он хорошо понимал английскую речь, но говорил с трудом и быстро уставал от беседы. Намного приятней было работать одному, в тишине, наедине с подопытными животными.

Через смотровое окошко японец внимательно оглядел мышей в отсеке для животных и улыбнулся. Клетка была поделена на две части: с одной стороны находилось двенадцать самцов, с другой – двенадцать самок. В детстве у Кеничи были кролики, и ему нравилось гладить их, посадив себе на колени. Но эти мыши не были домашними, их изолировали от контакта с человеком. Воздух, которым они дышали, прежде чем попасть в воздух космической станции, очищался через систему фильтров и кондиционировался. Все работы с животными проводились в примыкающей защитной камере с перчатками, где со всеми биологическими образцами – от бактерий до лабораторных крыс – можно было обращаться без страха заразить воздух станции.

Сегодня был день забора крови на анализ. Кеничи не слишком нравились подобные задания – он не любил колоть мышей иглой. Пробормотав по-японски извинение, Кеничи надел перчатки и перенес одну из мышей в изолированное рабочее помещение. Мышь попыталась вырваться. Он отпустил ее: пусть поплавает, пока он готовит иглу. Жалостное зре-

лице: пытаюсь продвинуться вперед, мышь яростно била лапками по воздуху. Но оттолкнуться было не от чего, и она беспомощно барахталась в пространстве.

Игла была готова, Кеничи протянул руку, чтобы снова схватить зверька. Только тогда он заметил сине-зеленую каплю, плавающую рядом с мышью. Капля висела так близко, что мышь даже лизнула ее, исследуя новый объект. Кеничи громко рассмеялся. Иногда астронавты ради смеха глотали плавающие в воздухе капли воды, и мышь делала то же самое, забавляясь со своей новой игрушкой.

Затем он вдруг подумал: откуда взялось это сине-зеленое вещество? Билл пользовался камерой. Вдруг он пролил что-нибудь ядовитое?

Кеничи подплыл к компьютеру и заглянул в протокол эксперимента, который только что вызывал Билл. Это был эксперимент БКК № 23, клеточная культура.

Согласно протоколу в капле не было ничего опасного. Археоны считались безвредными одноклеточными морскими организмами и не обладали инфекционными свойствами.

Успокоившись, японец вернулся к камере, вставил руки в перчатки и потянулся за иглой.

5

16 июля

«У нас нет связи».

Джек пристально наблюдал за дымным шлейфом в лазурном небе, и ужас острым ножом пронзал его сердце. Солнце светило в лицо, но Джека прошибал ледяной пот. Он внимательно глядел в небо. Где шаттл? Только секунду назад он видел в безоблачном небе его изогнутый след, ощущал дрожание земли во время старта. Когда корабль набирал высоту, уносясь ввысь под рев двигателей, уплывая все дальше, превращаясь в блестящую точку, Джеку казалось, что вместе с шаттлом ускользает и его сердце.

Он уже не видел корабля. Ровный белый след превратился в шлейф из черного дыма.

Напряженно вглядываясь в небо, Джек стал свидетелем головокружительной цепочки событий. Огонь в небе. Черный дым. Обломки корабля падают в море.

«Нет связи».

Он проснулся, задыхаясь, тело взмокло от пота. На улице было светло, и через окно спальни проникало нестерпимо жаркое солнце.

Он сел на кровати и, застонав, уронил голову на руки. Накануне вечером он выключил кондиционер, и теперь в комнате было жарко, как в печке. Спотыкаясь, он прошел через комнату, чтобы включить кондиционер, затем снова упал на кровать и, когда подул прохладный воздух, с облегчением вздохнул.

Тот самый страшный сон.

Потерев лицо, Джек старался прогнать видения, но они слишком глубоко засели в памяти. В тот год, когда взорвался «Челленджер», он только поступил в колледж – там, шагая по коридору студенческого общежития, он и увидел первые телевизионные кадры катастрофы. И в тот день, и в последующие дни он постоянно натыкался на эти ужасные кадры. Они глубоко засели в подсознании Джека и стали такими красочными, словно тем утром он сам стоял на трибунах, был на мысе Канаверал.

А теперь эти воспоминания снова превратились в страшные сны.

«Это из-за Эммы, из-за ее запуска».

Джек стоял в душе, подставив голову под бьющие струи холодной воды и ожидая, когда из памяти сотрутся следы сна. Со следующей недели он уходит в отпуск на двадцать один день, но настроение у Джека совсем не то. Уже много месяцев он не ходил под парусом. Может, несколько недель на воде, подальше от городских огней, излечат его? Только он, море и звезды.

Джек уже давно не любовался звездами. Последнее время он, казалось, избегал даже мельком глядеть на них. В детстве Джек любил смотреть на небо. Мама рассказывала ему, что однажды вечером, когда он только начинал ходить, Джек вышел на лужайку и, вытянув руки, пытался дотронуться до луны. И когда ему не удалось, разревелся от огорчения.

Луна, звезды, чернота космоса – теперь все это было ему недоступно, и частенько Джек чувствовал себя маленьким мальчиком, плачущим от огорчения.

Он выключил воду, уперся руками в отделанную кафелем стену и постоял немного, склонив голову. С волос стекала вода. «Сегодня шестнадцатое июля, – думал Джек. – Эмме осталось восемь дней до полета». Он чувствовал, как замерзает влажная кожа.

Через десять минут Джек уже оделся и сел в машину. Был вторник. Сегодня Эмма с новым экипажем заканчивает трехдневную комплексную тренировку. Она, конечно, устанет

и не захочет встречаться с ним. Но завтра Эмма будет уже на пути к мысу Канаверал. Завтра они уже не увидятся.

Оказавшись в Космическом центре имени Джонсона, он оставил машину на парковке у Тридцатого корпуса, быстро показал удостоверение НАСА охраннику и поторопился наверх, в зал управления полетом шаттла. Там царил напряженная тишина. Комплексная полетная тренировка была чем-то вроде выпускного экзамена как для астронавтов, так и для наземных служб. Наполненный критическими моментами прогон полета от старта до посадки с неожиданно возникающими неисправностями, которые всех держали в огромном напряжении. Три команды операторов не раз за последние три дня сменяли друг друга, и сейчас за пультами управления сидели два десятка усталых мужчин и женщин. Мусорные корзины были переполнены стаканчиками из-под кофе и банками из-под диетической пепси. Кто-то из операторов увидел Джека и кивнул ему в знак приветствия, но времени как следует поздороваться не было: наступил главный кризисный момент и все сконцентрировалось на решении проблемы. Джек несколько месяцев не появлялся в ЦУПе и теперь снова ощутил знакомое возбуждение, ту наэлектризованность, которая, казалось, физически ощущалась в этом зале во время полета.

Он направился к третьему ряду пультов управления и остановился возле руководителя полета Рэнди Карпентера, которому в тот момент было не до разговоров. В программе полетов шаттлов Карпентер был верховным жрецом. В нем было сто двадцать пять килограммов, и, присутствуя в зале, Рэнди производил сильное впечатление: живот, нависающий над ремнем, широко расставленные ноги – капитан корабля на мостике, и только. Здесь Карпентер был главным. «Я живой пример того, – любил говорить он, – как далеко может продвигнуться в этой жизни толстяк-очкарик». В отличие от легендарного руководителя полетов Джина Кранца, чья фраза: «Ошибка – это не вариант» сделала его любимцем средств массовой информации, Карпентер был известен только в стенах НАСА. Из-за отсутствия фотогеничности его почти никогда не снимали, вне зависимости от события.

Вслушиваясь в переговоры по каналу связи, Джек быстро понял, в чем состоит сложность ситуации, с которой работал Карпентер. С такой же проблемой столкнулся Джек и на своей комплексной тренировке два года назад, когда еще был в отряде астронавтов, готовясь к полету 145. Экипаж корабля сообщил о резком падении давления в кабине. Времени на то, чтобы найти причину, не хватало: нужно было начинать аварийный сход с орбиты.

Оператор службы динамики полета, который сидел в первом ряду пультов, известном как «окоп», быстро выстраивал траектории полета, чтобы определить лучшее место посадки. Для наземных служб это не игра – все слишком хорошо понимали: если бы ситуация была настоящей, на карту были бы поставлены жизни семи человек.

– Давление в кабине упало до семисот тридцати пяти миллиметров, – сообщили из контроля среды.

– Авиабаза Эдвардс, – объявил оператор динамики полета. – Посадка ориентировочно в тринадцать ноль-ноль.

– При этой скорости давление в кабине упадет до трехсот семидесяти миллиметров, – сообщил оператор контроля среды. – Советую надеть шлемы уже сейчас, до входа в атмосферу.

Оператор связи передал рекомендацию «Атлантису».

– Вас понял, – ответил командир Вэнс. – Шлемы надеты. Включаем двигатели для схода с орбиты.

Сам того не желая, Джек поддался общему настроению. Пока шли секунды, он неотрывно смотрел на главный экран зала – там на карте мира был отмечен путь корабля. Он знал, что все эти сложные ситуации специально разрабатывались неутомимой командой имитации полетов, но это зловеще-серьезное упражнение подействовало и на него. Джек не ощу-

щал напряжения собственных мышц, он лишь внимательно следил за сменой мелькавших на экране данных.

Давление в кабине упало до трехсот семидесяти миллиметров.

«Атлантис» вошел в верхние слои атмосферы. Связь прекратилась, начались двенадцать долгих минут тишины, когда от трения о воздух вокруг орбитальной ступени образуется облако ионизированного газа, препятствующее коммуникациям.

– «Атлантис», прием, – произнес Капком.

Неожиданно по каналу связи прорвался голос командира Вэнса:

– Хьюстон, слышим вас хорошо.

Посадка, состоявшаяся мгновение спустя, прошла идеально. Игра окончена.

В ЦУПе раздались аплодисменты.

– Молодцы, ребята! Справились отлично! – похвалил руководитель полета Карпентер. – Разбор в пятнадцать ноль-ноль. А сейчас давайте прервемся на обед. – Ухмыльнувшись, он стащил наушники и наконец посмотрел на Джека. – Привет, сто лет тебя не видел.

– Изображаю из себя врача перед гражданскими.

– Погнался за большими деньгами, а?

Джек рассмеялся:

– Ага, прямо не знаю, куда их девать. Может, подскажешь? – Джек оглядел операторов, сидевших за пультами в расслабленных позах, с газировкой и принесенной из дома едой. – Тренировка прошла нормально?

– Я доволен. Мы все преодолели.

– А экипаж шаттла?

– Они готовы. – Карпентер понимающе взглянул на него. – И Эмма тоже. Она в своей стихии, так что, Джек, не нервируй ее. Сейчас ей нужно собраться.

Это был не просто дружеский совет. А предупреждение: «Держи все личные дела при себе. Не порти боевой дух экипажу».

Джек чувствовал себя несколько подавленным и виноватым, ожидая Эмму в удушающей жары у Пятого корпуса, где находились тренажеры. Она вышла вместе с остальными членами экипажа. Похоже, кто-то только что рассказал анекдот, потому что все смеялись. Затем Эмма увидела Джека, и улыбка исчезла с ее губ.

– Я не знала, что ты приедешь, – сказала она.

Он пожал плечами и робко ответил:

– Я тоже.

– Разбор полета через десять минут, – предупредил Вэнс.

– Я приду, – пообещала она. – Не ждите меня, идите. – Эмма подождала, пока экипаж не уйдет, и снова обернулась к Джеку. – Мне и в самом деле нужно их догнать. Послушай, я понимаю, этот старт все усложняет. Если ты приехал из-за документов о разводе – обещаю: я все подпишу, как только вернусь.

– Я приехал не из-за документов.

– Есть какая-то другая причина?

Он помолчал.

– Да. Хамфри. Кто его ветеринар? Это на случай, если он проглотит комок шерсти или еще что-нибудь.

Эмма ошеломленно посмотрела на него:

– Тот же, что и всегда. Доктор Голдсмит.

– Ах да.

Некоторое время они молча стояли под палящими лучами солнца. По спине Джека стекал пот. Эмма вдруг показалась ему такой маленькой и хрупкой. И тем не менее эта женщина

прыгала с парашютом. Она могла обскákat его на лошади, могла бесконечно кружиться в танце. Его красивая бесстрашная жена...

Эмма обернулась, взглянув на Тридцатый корпус, где ее ждал экипаж:

– Мне нужно идти, Джек.

– Когда ты отправляешься на мыс Канаверал?

– В шесть утра.

– Вся твоя родня будет на запуске?

– Конечно. – Она помолчала. – Ты ведь не приедешь? Верно?

Катастрофа «Челленджера» была еще свежа в его памяти: ужасный столб дыма, перечеркивающий голубое небо.

«Я не смогу смотреть на это, – подумал он. – Я только и буду представлять себе худшее».

Он покачал головой.

Эмма ответила на это холодным кивком и взглядом, который говорил: «Мне трудно быть такой же невозмутимой, как ты». Она уже собралась уходить.

– Эмма! – Он вытянул руку вперед и, мягко потянув жену к себе, заставил ее обернуться. – Я буду скучать по тебе.

Она вздохнула:

– Конечно, Джек.

– Честно.

– Ты не звонишь мне неделями. А теперь говоришь, что будешь скучать. – Она рассмеялась.

Горечь в голосе Эммы причиняла ему боль. Больно было и оттого, что она говорила правду. Последние месяцы Джек действительно избегал ее. Ему было тяжело находиться рядом, потому что на фоне успеха Эммы он еще острее чувствовал себя неудачником.

Надежды на перемирие не было, он это понял по холодности ее взгляда. Оставалось лишь одно – вести себя благородно.

Джек отвел взгляд, вдруг осознав, что ему тяжело смотреть на жену:

– Я приехал пожелать тебе благополучного полета. И удачного путешествия. Помашишь мне рукой, когда будешь пролетать над Хьюстоном? Я буду ждать.

На небе МКС будет казаться движущейся звездочкой, светящей ярче Венеры.

– Ты тоже помаши мне, хорошо?

Оба вымученно улыбнулись. И все-таки, прощаясь, они ведут себя прилично. Джек раскрыл объятия, и Эмма прильнула к нему. Но обнимались они недолго и так неловко, будто незнакомые люди, которые встретились в первый раз. Он чувствовал прикосновение ее тела – такого живого и теплого. Затем Эмма отпрянула и направилась к зданию Центра управления полетами.

Она остановилась только раз, чтобы помахать ему на прощание. Солнце било ему в глаза, и, сощурившись, Джек видел только темный силуэт Эммы, ее волосы, развевающиеся на горячем ветру. И вдруг понял: никогда прежде он не любил ее так сильно, как в тот момент, глядя ей вслед.

19 июля

Мыс Канаверал

Даже на расстоянии это зрелище захватывало дух. Установленный на стартовой площадке 39-Б и освещенный яркими прожекторами, шаттл «Атлантис» с гигантским оранже-

вым топливным баком и сдвоенными ракетными ускорителями, словно маяк, возвышался в черноте ночи. Пусть это зрелище было уже знакомо – вид освещенного шаттла на стартовой площадке всегда приводил Эмму в трепет.

Остальные члены экипажа, стоявшие рядом с ней на асфальте, тоже молчали. Чтобы изменить режим, они проснулись в два часа ночи и вышли из своего временного жилища на четвертом этаже Здания операций и проверок, чтобы полюбоваться чудищем, которое унесет их на орбиту. Эмма услышала крик ночной птицы и ощутила холодный ветер с Мексиканского залива – он освежил и разбавил болотистый запах здешних земель.

– Как-то робеешь, да? – с мягким техасским акцентом заметил командир Вэнс.

Остальные пробормотали что-то в знак согласия.

– Чувствуешь себя маленьким, как муравей, – признался Ченоуэт, единственный новичок в экипаже. Это его первый полет на борту шаттла, и он излучал такое возбуждение, что, казалось, вокруг него образовалось электрическое поле. – Я забываю о том, какой он огромный, а когда вижу снова, всегда думаю: «Боже, какая махина. И мне, сукину сыну, выпала удача оседлать ее».

Все рассмеялись – такой тихий, неловкий смех характерен, скорее, для прихожан в церкви.

– И не думал, что неделя может тянуться так медленно, – признался Ченоуэт.

– Смотрите, парень устал быть девственником, – сказал Вэнс.

– Верно, черт возьми. Я хочу туда. – Взгляд Ченоуэта жадно устремился в небо. К звездам. – Вам уже открылась эта тайна, а мне не терпится ее узнать.

«Тайна».

Ее знали только немногие избранные, те, что уже побывали в космосе. Эту тайну не передашь другому, ее нужно пережить, увидеть собственными глазами черноту космического пространства и голубизну Земли далеко внизу. Ощутить прилив тяжести, когда ускорение вжимает тебя в кресло. Вернувшись из космоса астронавтам свойственна особая многозначительная улыбка, словно они хотят сказать: «Я приобщился к такому, о чем большинство землян не узнают вовек».

Так же улыбалась и Эмма, когда два года назад выбралась из люка «Атлантика». Еле держась на ногах, она вышла на солнечный свет, посмотрела на небо, которое показалось невероятно голубым. За восемь дней на борту космического корабля она встретила сто тридцать восходов, видела лесные пожары в Бразилии и центр урагана над Самоа, видела Землю, которая казалась ей такой хрупкой, что щемило сердце. Эмма вернулась совсем другой.

Через пять дней, если все пройдет нормально, Ченоуэт узнает эту тайну.

– Пора пролить немного света на сетчатку, – заметил Ченоуэт. – Моим мозгам до сих пор кажется, что сейчас ночь.

– А сейчас и есть ночь, – ответила Эмма.

– Для нас, ребята, сейчас время, когда забрезжил рассвет, – возразил Вэнс.

Он быстрее других приспособивался к новому суточному ритму. Вэнс пошел обратно в Здание операций и проверок, чтобы приступить к работе в три часа ночи.

Остальные последовали за ним. Только Эмма задержалась на мгновение, любуясь шаттлом. Днем раньше они побывали на стартовой площадке, чтобы в последний раз повторить действия при аварийной посадке. Вблизи, при солнечном свете шаттл казался ослепительно-ярким и непостижимо огромным. Зараз можно было разглядеть лишь одну часть корабля. Нос. Крылья. Черную плитку на брюхе, напоминавшую чешую рептилии. В дневном свете шаттл выглядел очень реально и внушительно. А ночью, на фоне черного неба, казался неземным.

В подготовительной суете Эмма не допускала никаких мрачных предчувствий, отгоняла от себя опасения. Она была готова к полету. Она хотела лететь. Но теперь вдруг ощутила укол страха.

Она посмотрела в небо, на звезды, исчезающие за надвигающейся пеленой облаков. Погода менялась. Поежившись, Эмма повернулась и направилась в здание. Там горел свет.

23 июля

Хьюстон

По телу Дебби Ханинг змеилось несколько трубок. В горле сидела трахеотомическая трубка, через которую в легкие подавался кислород. Назогастральная трубка входила в левую ноздрю и по пищеводу попадала в желудок. Катетер отводил мочу. Два внутривенных катетера подавали жидкость. В запястье был вставлен внутриаартериальный катетер, а на экране осциллографа танцевала линия кровяного давления. Джек взглянул на пластиковые мешочки капельниц, висящие над кроватью, и понял, что Дебби вводят сильные антибиотики. Плохой признак: значит, она заполучила инфекцию – неудивительно для пациента, проведенного две недели в коме. Любое нарушение кожного покрова, каждая трубка – все это дорога для бактерий, и теперь организм Дебби сражался с ними.

Джек понял все с первого взгляда, но матери Дебби, сидевшей рядом и сжимавшей руку дочери, ничего говорить не стал. Мышцы лица пациентки расслаблены, челюсть отвисла, веки полуприкрыты. Она пребывала в глубокой коме и ничего не чувствовала, даже боли.

Когда Джек вошел в палату, Маргарет подняла взгляд и кивнула.

– Ночь была тяжелой, – сообщила Маргарет. – Лихорадка. Врачи не знают, в чем причина.

– Антибиотики должны помочь.

– А потом? Мы устраним инфекцию, и что потом? – Маргарет глубоко вздохнула. – Ей бы все это не понравилось. Все эти трубки. Иголки. Она бы захотела уйти.

– Еще не время сдаваться. Ее энцефалограмма показывает активность. Мозг не умер.

– Тогда почему она не приходит в себя?

– Она молода. Она должна жить.

– Но это не жизнь. – Маргарет посмотрела на руку дочери. Опухшую и посиневшую от игл капельниц. – Когда умирал отец Дебби, она сказала мне, что ни за что не хотела бы закончить жизнь вот так. Чтобы ее кормили через трубки. Я все время вспоминаю ее слова... – Маргарет снова посмотрела на Джека. – Что бы вы сделали? Если бы это была ваша жена?

– Я бы даже мысли не допустил о том, чтобы сдать.

– Даже если бы она сказала вам, что не хочет заканчивать свою жизнь так?

Джек на мгновение задумался. Затем убежденно произнес:

– В конечном счете это было бы мое решение. Я не стал бы слушать ни ее, ни кого-либо другого. Я бы стал бороться за любимого человека. В любом случае. Даже если шанс на спасение невелик.

Его слова не утешили Маргарет. У него не было права подвергать сомнению ее убеждения, ее интуицию, но она спросила его мнение, и Джек ответил сердцем, а не разумом.

Чувствуя себя виноватым, он потрепал Маргарет по плечу на прощание и вышел из палаты. Скорее всего, решение примет сама природа. Пациент в коме с соматической инфекцией уже стоит на пороге смерти.

Джек вышел из отделения интенсивной терапии и с мрачным видом шагнул в лифт. Тягостное начало отпуска. Он решил, что, спустившись в приемную, первым делом зайдет в магазин за упаковкой пива. Ледяное пиво и полуденный выход в море под парусом – вот что ему сейчас нужно. Это отвлечет от мыслей о Дебби Ханинг.

– Интенсивная хирургия, экстренная ситуация! Интенсивная хирургия, экстренная ситуация!

Услышав сигнал больничной системы оповещения, Джек вскинул голову. «Дебби», – подумал он и бросился к лестнице.

В ее палату уже набились служащие больницы. Он протиснулся к кровати и метнул взгляд на монитор. «Фибрилляция желудочков!» Ее сердце превратилось в трепещущий комок мышц, не способный перекачивать кровь и поддерживать работу мозга.

– Ампулу эпинефрина немедленно! – крикнула одна из медсестер.

– Отошли все! – приказал врач, приложив дефибриллятор к грудной клетке.

Джек видел, как тело Дебби тряхнул разряд, и заметил, что линия на мониторе, подскочив, снова резко метнулась вниз. По-прежнему фибрилляция желудочков.

Медсестра продолжала реанимацию, ее короткие светлые волосы колыхались в такт движениям – она делала Дебби непрямой массаж сердца. Невролог Дебби, доктор Саломон, посмотрел на подошедшего Джека.

– Ввели амиодарон? – спросил Джек.

– Вводим, но он не помогает.

Джек снова взглянул на монитор. Фибрилляция желудочков затихала, линия постепенно становилась прямой.

– Мы пропустили разряд четыре раза, – сказал Саломон. – Сердцебиения нет.

– Внутрисердечно эпинефрин?

– Осталось только молиться. Давай действуй!

Медсестра приготовила шприц с эпинефрином и надела на него длинную кардиальную иглу. Когда Джек брал шприц, он уже знал, что битва проиграна. Эта процедура ничего не изменит. Но он думал о Билле Ханинге, который ждал возвращения на Землю, к жене. И помнил о том, что несколько минут назад сказал Маргарет.

«Я бы стал бороться за любимого человека. В любом случае. Даже если шанс на спасение невелик».

Он посмотрел на Дебби, и в его воображении мелькнул образ Эммы.

– Остановите массаж, – нервно сглотнув, велел он.

Медсестра отняла руки от грудной клетки Дебби. Джек быстро протер кожу бетадином и направил кончик иглы под мечевидный отросток. Когда Джек прокалывал кожу, его пульс участился. Он продвигал иглу вглубь грудной клетки, борясь с незначительным отрицательным давлением.

Капля крови, появившаяся в шприце, означала, что он попал в сердце. Нажав на поршень, он ввел всю дозу эпинефрина и вытащил иглу.

– Продолжайте массаж! – скомандовал он и посмотрел на монитор.

«Давай, Дебби. Борись, черт возьми. Не покидай нас. Не покидай Билла».

В комнате было тихо – все смотрели на монитор. Линия была ровной – сердечная мышца умирала клетка за клеткой. Слов было не нужно – на лицах застыло потрясенное выражение.

«Она так молода, – подумал Джек. – Ей всего тридцать шесть».

Как Эмме.

Доктор Саломон принял решение.

– Давайте покончим с этим, – тихо произнес он. – Время смерти – одиннадцать пятнадцать.

Медсестра, делавшая массаж сердца, отошла от Дебби. В ярком освещении палаты тело казалось безжизненным, пластиковым. Манекеном. У него не было ничего общего с той умной жизнерадостной женщиной, которую Джек впервые встретил пять лет назад на вечеринке НАСА.

В палату вошла Маргарет. Некоторое время она молчала, словно не узнавая собственную дочь. Доктор Саломон положил руку ей на плечо и тихо произнес:

– Это случилось очень быстро. Мы ничего не смогли сделать.

– Он должен был быть здесь, – дрожащим голосом пробормотала Маргарет.

– Мы старались поддерживать жизнь, – добавил доктор Саломон. – Мне очень жаль.

– Кого мне жаль, так это Билла, – сказала Маргарет и, взяв руку дочери, поцеловала ее. – Он хотел быть здесь. И никогда себе этого не простит.

Выйдя из палаты, Джек упал в кресло на посту медсестры. Слова Маргарет продолжали звенеть в его голове. «Он должен был быть здесь. Он никогда себе этого не простит».

Джек посмотрел на телефон. «А что я до сих пор здесь делаю?» – подумал он.

Он взял справочник со стола дежурной медсестры и, найдя нужный номер, набрал его.

– Агентство путешествий «Одинокая звезда», – ответил женский голос.

– Мне нужно на мыс Канаверал.

6

Мыс Канаверал

Через открытое окно взятой напрокат машины Джек вдыхал влажный воздух городка Меррит-Айленд, ощущая запах влажной земли и лесных растений. К Космическому центру имени Кеннеди вела на удивление ухабистая дорога, проложенная через апельсиновые рощицы мимо ветхих ларьков с пончиками и заросших ракетных кладбищ. День клонился к вечеру, и впереди мелькали габаритные огни сотен машин, медленно ползущих вперед. Скапливалась пробка, и уже скоро его автомобиль застрянет в длинной веренице туристов, ищущих место для парковки, чтобы утром с этого места увидеть запуск корабля.

Бессмысленно прорываться через эту массу. Не было смысла и в попытке проникнуть через пропускной пункт «Порт Канаверал». Астронавты сейчас все равно спят. Он опоздал и не сможет попроситься.

Он выехал из потока машин и, развернув автомобиль, направился назад, к дороге на пляж Какао.

Еще со времен Алана Шепарда⁶ и первого «Меркурия-3» пляж Какао стал центром развлечений для астронавтов. Эта вереница неказистых отелей, баров и магазинов, торгующих футболками, размещалась на узкой полоске земли между Банановой рекой на западе и Атлантическим океаном на востоке. Джек хорошо знал это место от начала («Токио-стейкхаус») до конца (бар «Полет на Луну»). Однажды он трусил по пляжу, по которому до него бегал Джон Гленн.⁷ Всего два года назад он стоял в парке Джетти на берегу Банановой реки и смотрел на стартовую площадку 39-А. На свой шаттл, птицу, которая должна унести его в космос. Воспоминания до сих пор затуманивала боль. Джек помнил долгую пробежку тем жарким днем. Когда внезапно он почувствовал мучительную боль в боку, да такую сильную, что упал на колени. А потом, в отделении интенсивной терапии, Джек, одурманенный обезболивающими, смотрел на мрачное лицо своего летного врача, который сообщал ему плохие новости. Камень в почке.

Его вычеркнули из списка экипажа.

Более того, его космическое будущее было под вопросом. Диагноз «камень в почке» – один из тех, что приводят к пожизненной дисквалификации. Микрогравитация вызывает физиологические изменения в жидкостях человека, результат которых – обезвоживание. К тому же она вызывает вымывание кальция. Вместе эти факторы повышали риск образования новых камней во время пребывания в космосе – риск, на который НАСА идти не хотело. Джек оставался астронавтом, хотя был дисквалифицирован. Еще год он надеялся на новое назначение, но его имя так и не появилось в списках. Ему пришлось превратиться в астронавта-призрака, вынужденного вечно бродить по коридорам Космического центра Джонсона в поисках нового экипажа.

И вот он снова здесь, на мысе Канаверал, уже не астронавт, а просто турист, направляющийся на пляж Какао, голодный и сердитый странник, которому некуда податься. На протяжении шестидесяти километров все отели оказались переполненными, а Джек устал сидеть за рулем.

Джек свернул к парковке отеля «Хилтон» и направился в бар.

⁶ Шепард, Алан Бартлет, младший (1923–1998) – астронавт; первый американец, совершивший суборбитальный космический полет.

⁷ Гленн, Джон Гершель, младший (р. 1923) – американский астронавт, летчик-испытатель.

Если сравнивать с последним посещением, бар здорово изменился в лучшую сторону. Новый ковер, новые стулья у стойки. А когда-то это место сборищ было совсем неказистым – старый, выдавший виды «Хилтон», стоявший на такой же старой туристической трассе. У пляжа Какао не сыскать четырехзвездочных отелей, этот был самым шикарным.

Джек заказал виски с содовой и уставился в телевизор над баром. Он был настроен на официальный канал НАСА, и на экране красовался шаттл «Атлантис» в лучах прожекторов, окруженный призрачным паром. На нем Эмма отправится в космос. Джек смотрел на картинку и думал о том, сколько километров проводов находится под этим корпусом, сколько переключателей и шин данных, болтов, соединений и уплотнительных колец. О том, сколько всего может выйти из строя. И вправду, удивительно, что в действительности из строя почти ничего не выходит, что люди, эти несовершенные существа, смогли придумать и построить такой надежный корабль, что семеро человек готовы добровольно войти в него и пристегнуться. «Только бы этот запуск был идеальным, – мысленно просил он. – Пусть все справится со своей работой и запуск пройдет как по маслу. Он должен быть идеальным, потому что на борту моя Эмма».

– Интересно, о чем они сейчас думают, – задумчиво произнесла женщина, присевшая на соседний стул у барной стойки.

Джек повернулся и посмотрел на соседку, его взгляд тут же скользнул по ее бедрам. Холеная, яркая блондинка, с одним из тех слашаво-идеальных лиц, черты которых забываются через час после расставания.

– Кто думает? – спросил он.

– Астронавты. Интересно, они думают, например: «О черт, ну я и вляпался!»

Джек пожал плечами и пригубил виски:

– Сейчас они ни о чем не думают. Они спят.

– Я бы не смогла спать.

– Они перестраивают свой суточный ритм. Наверняка легли спать пару часов назад.

– Нет, я хотела сказать, что я бы вообще не смогла заснуть. Я бы лежала и думала о том, как бы поскорее свалить.

Джек рассмеялся:

– Уверяю вас, если они и не спят, то лишь потому, что не могут дождаться момента, когда попадут на борт этой малышки и взлетят.

Блондинка поглядела на него с любопытством:

– Вы тоже участвуете в программе, да?

– Участвовал. Был в отряде астронавтов.

– А сейчас?

Поднеся бокал ко рту, Джек почувствовал, как кубики льда стукнулись о зубы.

– Я в отставке.

Поставив пустую рюмку и поднявшись с места, он заметил разочарование во взгляде женщины. Некоторое время Джек поразмышлял о том, как может пройти остаток вечера, если он останется и продолжит разговор. Приятная компания. Обещание большего.

Но он заплатил по счету и вышел из «Хилтона».

В полночь, стоя на пляже возле парка Джетти, он смотрел на стартовую площадку 39-Б. «Я здесь, – мысленно произнес он. – Ты не знаешь об этом, но я с тобой».

Он сел на песок и стал ждать рассвета.

24 июля

Хьюстон

– Над заливом антициклон, над мысом Канаверал будет чистое небо, так что АПП ВМС возможно. Над авиабазой Эдвардс переменная облачность, но ко времени запуска ожидается прояснение. Место ТАП⁸ в Сарагосе, Испания, чисто, прогноз благоприятный. Место ТАП в Мороне, Испания, также чисто, прогноз благоприятный. В Бен-Герир, Марокко, сильный ветер и песчаная буря, на данный момент это место ТАП неприемлемо.

Первая же сводка погоды на этот день, переданная на мыс Канаверал, принесла хорошие новости, и руководитель полета Карпендер был доволен. Запуск не отменялся. Плохие условия приземления на полосе Бен-Герир не слишком беспокоили, поскольку оставались два других места аварийной посадки в Испании. Так положено: подстраховка на подстраховке. Альтернативные места посадки понадобятся, только если возникнет серьезная неисправность.

Карпендер оглядел остальных членов стартовой команды – нет ли других поводов для волнения? Нервное напряжение в зале, и без того осязаемое, начало нарастать, как это всегда бывает перед запуском. Хороший признак. Когда люди не напряжены, они делают ошибки. Карпендер хотел, чтобы его команда была на взводе, чтобы нервные клетки аж потрескивали, чтобы бдительность была повышена и даже сейчас, среди ночи, в крови был сплошной адреналин.

Нервы Карпендера были натянуты, как и у других, несмотря на то что обратный отсчет начался по графику. Группа проверки в Кеннеди закончила работу. Группа динамики полета подтвердила время запуска до секунды. Тем временем за обратным отсчетом следили еще тысячи членов наземных служб.

На мысе Канаверал, где шаттл ждал запуска, такое же напряжение начинало расти в бункере Центра управления запусками, где за пультами, готовясь к моменту старта, сидела параллельная команда. Как только придут в действие ракетные ускорители, руководство перейдет к Центру управления полетами в Хьюстоне. Находившиеся за тысячи километров друг от друга залы в Хьюстоне и на мысе Канаверал были так тесно связаны различными системами связи, словно находились в одном здании.

В Хантсвилле, штат Алабама, в Центре космических полетов имени Маршалла, исследовательские группы ждали запуска своих экспериментов.

В двухстах шестидесяти километрах на северо-северо-восток от мыса Канаверал в режиме ожидания стояли военно-морские суда, готовые достать из воды ракетные ускорители, которые отделятся от шаттла после того, как перестанет работать двигатель.

В местах экстренной посадки и на станциях слежения по всему миру – от НОРАД в Колорадо до международного аэродрома в Банджуле, Гамбия, мужчины и женщины смотрели на часы.

«И в этот самый момент семь человек готовятся вручить свою жизнь в наши руки».

По кабельному каналу Карпендер видел астронавтов, которым помогали облачиться в костюмы для запуска. Картинка передавалась в реальном времени из Флориды, правда без звука. Карпендер вдруг поймал себя на мысли, что изучает лица астронавтов. Хотя ни на одном из них Карпендер не заметил страха, было ясно, что он скрывается под надежной

⁸ ТАП – трансатлантическая аварийная посадка.

маской улыбок. Пульс учащен, нервы звенят от напряжения. Они сознавали риск и должны были бояться. Зрелище на экране было призвано отрезвить наземный персонал: эти семеро рассчитывают на то, что все пройдет как по маслу.

Карпентер оторвал взгляд от видеомонитора и сконцентрировал внимание на команде операторов, сидевших за шестнадцатью пультами. Хотя Карпентер знал по имени каждого члена команды, тем не менее он обращался к ним по командным должностям, сокращенным до стенографически коротких позывных, как это принято на жаргоне НАСА. Офицер службы наведения имел позывной «Гвидо».⁹ Главный оператор по связи с экипажем – «Капком».¹⁰ Инженер по силовым установкам – «Проп».¹¹ Офицер службы расчета траекторий – «Традж». Врача экипажа называли просто «Врач». А сам Карпентер проходил под позывным «Полет».

Согласно обратному отсчету оставалось меньше трех часов. Подготовка к полету шла нормально.

Карпентер сунул руки в карманы и звякнул своим брелоком в виде трилистника – на удачу. Это был его личный ритуал. Даже у инженеров бывают суеверия.

«Только бы ничего не случилось, – подумал он. – Пусть все пройдет благополучно».

Мыс Канаверал

Микроавтобус за пятнадцать минут доставил астронавтов из Здания операций и проверок к стартовой площадке 39-Б. По дороге в автобусе стояла тишина – почти все члены экипажа молчали. Еще полчаса назад, облачаясь в костюмы, они шутили и смеялись тем резким наэлектризованным смехом, какой получается у людей, чьи нервы напряжены до предела. Волнение нарастало с того самого момента, когда их разбудили в два тридцать для традиционного завтрака из стейка и яичницы. Во время инструктажа о метеообстановке, облачения в костюмы, предполетного ритуала, состоявшего из раздачи игральные карты, чтобы выяснить, кому выпадут самые лучшие, все астронавты были несколько более шумными и энергичными, стремились продемонстрировать уверенность в каждом движении.

Теперь они вдруг смолкли.

Микроавтобус остановился. Рядом с Эммой сидел новобранец Ченоуэт, бормоча:

– Вот уж не думал, что опрелость – одна из опасностей работы.

Эмма рассмеялась. Они все надели под объемистые летные костюмы подгузники для взрослых, а до взлета еще долгих три часа.

Техники стартовой площадки помогли Эмме выйти из микроавтобуса. Она на мгновение остановилась, с восхищением глядя на шаттл в свете прожекторов, – высотой он был сравним с тридцатиэтажным домом. Пять дней назад, когда она оказалась здесь же, на площадке, были слышны лишь голоса птиц и вой морского ветра. Теперь же ожил и сам корабль – когда в баке забушевало летучее топливо, он принялся рокотать и выпускать дым, словно проснувшийся дракон.

На лифте они поднялись до уровня 195 и ступили на решетчатый мостик. Была еще ночь, но небо подсвечивалось огнями стартовой площадки, и Эмма с трудом различала звезды над головой. Их ожидала космическая тьма.

Техники в безворсовых комбинезонах помогли членам экипажа поочередно пройти через люк из стерильно-белого помещения в корабль. Командира и пилота посадили первыми.

⁹ GUIDO – сокр. от guidance officer (*англ.*), офицер службы наведения.

¹⁰ CAPCOM – сокр. от Capsule Communicator (*англ.*), в широком смысле – лицо, ведущее переговоры с космонавтом из Центра управления.

¹¹ PROP – сокр. от propulsion (*англ.*), силовая установка.

Эмму провели на среднюю палубу последней. Она уселась в кресло, застегнула пряжки, надела шлем и знаком показала, что все отлично.

Люк закрылся, изолировав экипаж от внешнего мира.

Эмма слышала только собственное сердцебиение. Даже сквозь переговоры с наземными службами, раздававшиеся в наушниках, сквозь рокот и гул пробудившегося шаттла она слышала лишь мерные удары собственного сердца. Как пассажиру средней палубы, ей было практически нечем заняться в ближайшие два часа и оставалось только сидеть и размышлять. Предполетные проверки будут проводиться экипажем, сидящим в кабине. Она не видела того, что происходит снаружи, и смотреть было не на что, кроме места размещения груза и запасов еды.

Снаружи скоро небо озарит рассвет, и у пляжа Плайялинда заскользят пеликаны.

Эмма глубоко вздохнула и, откинувшись на спинку кресла, приготовилась ждать.

Джек сидел на пляже и наблюдал, как восходит солнце.

В парке Джетти он был не один. Еще до полуночи здесь начали собираться туристы; постоянно прибывающие машины, медленно двигаясь вдоль скоростной автострады, образовали бесконечную вереницу из огней фар. Кое-кто сворачивал на север, к заповеднику острова Меррит, другие продолжали движение вдоль Банановой реки к мысу Канаверал. Наблюдать за пуском можно было отовсюду. Толпа, собравшаяся вокруг Джека, находилась в приподнятом настроении, люди пришли с пляжными полотенцами и корзинами для пикника. Он слышал смех, громко работающее радио и плач сонных детишек. В этом возбужденном окружении он был единственным молчуном, пребывавшим наедине со своими мыслями и страхами.

Когда солнце осветило горизонт, он посмотрел на север, туда, где находилась стартовая площадка. Эмма, должно быть, уже на борту «Атлантиса», ждет старта. Ей, взволнованной и счастливой, немного страшно.

Джек услышал, как детский голосок произнес:

– Мама, это плохой дядя.

Он повернулся и посмотрел на девочку. Некоторое время они рассматривали друг друга – крошечная белокурая принцесса не отводила глаз от небритого и взъерошенного человека. Мама схватила девочку на руки и быстро отошла на безопасное расстояние.

Джек покачал головой и снова обратил взгляд на север. Туда, где Эмма.

Хьюстон

В ЦУПе установилась обманчивая тишина. До старта оставалось двадцать минут – время для подтверждения запуска. Все операторы второго зала закончили проверку систем, и первый зал был готов к опросу.

Ровным голосом Карпендер по списку запрашивал устное подтверждение от каждого оператора из первого зала.

– Фидо?¹² – спрашивал Карпендер.

– Фидо готов, – отвечал офицер службы динамики полета.

– Гвидо?

– Гвидо готов.

– Врач?

– Врач готов.

– СОД?

¹² FIDO – сокр. от flight dynamics officer (англ.), офицер службы динамики полета.

– Служба обработки данных готова.

Опросив всех и получив подтверждение, Карпендер отрывисто кивнул.

– Хьюстон, вы готовы? – спросил руководитель запуска с мыса Канаверал.

– Центр управления полетами готов, – подтвердил Карпендер.

Все находившиеся в Центре управления полетами в Хьюстоне слышали традиционное сообщение руководителя запуска экипажу шаттла:

– «Атлантис», вы готовы к полету. Все мы желаем вам удачи и счастливого пути.

– Центр управления полетами, это «Атлантис», – услышали они ответ командира Вэнса. – Спасибо за то, что подготовили птичку к полету.

Мыс Канаверал

Опустив и закрепив свое смотровое стекло, Эмма включила подачу кислорода. Две минуты до старта. В таком укутанном и изолированном состоянии только и оставалось, что считать секунды. Она почувствовала, как, переходя в стартовое положение, дрогнули главные двигатели.

До пуска оставалось тридцать секунд. Электрическая связь с наземным управлением была теперь прервана, заработали бортовые компьютеры.

Сердце Эммы забилось сильнее, в венах забурился адреналин. Слушая обратный отсчет, секунда за секундой, Эмма знала, что произойдет в следующий момент, и прекрасно представляла последовательность событий.

Когда до старта оставалось восемь секунд, под стартовую площадку были сброшены тысячи литров воды, чтобы погасить рев двигателей.

Пять секунд до старта – бортовые компьютеры открыли клапаны, чтобы жидкий кислород и водород проникли в главные двигатели.

Когда пришли в действие три главных двигателя, Эмма почувствовала, что шаттл резко дернулся: космический корабль словно бы напрягся, пытаясь оторваться от крепежных болтов, которые продолжали удерживать его на стартовой площадке.

Четыре. Три. Два... Точка невозврата.

Заработали ракетные ускорители. Эмма задержала дыхание и крепко вцепилась руками в подлокотники. От турбулентности все дрожало, рев был такой силы, что в наушниках ничего не было слышно. Ей пришлось сжать челюсти, чтобы не стучали зубы. Она поняла, что шаттл совершил запланированную дугу над Атлантическим океаном, и трехкратная перегрузка вжала ее тело в кресло. Руки и ноги стали такими тяжелыми, что Эмма едва ими двигала – казалось, от столь сильной вибрации корабль развалится на части. Они достигли максимального скоростного напора, и командир Вэнс объявил, что уменьшает тягу. Менее чем через минуту он снова запустит двигатели на полную мощность.

Бежали секунды, шлем вибрировал, сила взлета, словно неумолимая рука, сдавливала грудную клетку, и вдруг Эмма почувствовала новый приступ страха. Именно в этот момент взорвался «Челленджер».

Эмма закрыла глаза и вспомнила полетную тренировку с Хейзел двухнедельной давности. Они приближались к тому моменту, когда на тренировке все начало выходить из строя, когда им пришлось совершить экстренное возвращение на Землю и когда Киттрэддж не смог управлять кораблем. Это был критический момент запуска, но она ничего не могла предпринять и надеялась только, что жизнь окажется благосклонной тренировкой.

В наушниках она услышала, как Вэнс произнес:

– Центр, это «Атлантис». Даю полную мощность.

– Вас понял, «Атлантис». Полная мощность.

Джек стоял и смотрел вверх. Его сердце учащенно забилося, когда шаттл поднялся в небо. Он слышал треск реактивных двигателей, извергавших двойные фонтаны огня. Выхлопные газы поднимались все выше и выше, следом за яркой точкой, в которую превратился шаттл. Все вокруг зааплодировали. Идеальный запуск, подумали они. Но Джек знал: вероятность неудачи все еще существует.

Вдруг он с испугом понял, что потерял счет секундам. Сколько времени прошло? Шаттл миновал фазу максимального скоростного напора? Джек прикрыл ладонью глаза, сиюсь увидеть «Атлантис», но смог разглядеть только хвост выхлопа.

Толпа потянулась обратно к машинам.

А Джек продолжал стоять, в страхе ожидая развития событий. Он не увидел страшного взрыва. Не увидел черного дыма. Страшный сон не повторился.

«Атлантис» благополучно покинул Землю и понесся в космос.

Джек почувствовал, что слезы текут у него по щекам, но вытирать их не стал. Они продолжали капать, а он смотрел на рассеивающийся след от корабля, который унес его жену в небо.

Станция

7

25 июля

Битти, Невада

Салливан Оби, застонав, проснулся от телефонного звонка. В голове у него били цимбалы, а в рот словно насыпали старых окурков. Он потянулся за трубкой и случайно выбил ее из держателя. Громкий удар трубки заставил его поморщиться. «Да и фиг с ним», – решил он и отвернулся, уткнувшись лицом в чьи-то спутанные волосы.

«Женщина?»

Сощурившись от утреннего света, он убедился: с ним в кровати действительно лежит женщина. Блондинка. Храпит. Он закрыл глаза, надеясь, если он заснет, а потом снова проснется, ее уже не будет.

Но заснуть Салливан не смог. Из упавшей трубки кто-то вопил.

Обшарив край кровати, он нашел трубку.

– Что, Бриджит? – проговорил он. – Что?

– Почему ты не здесь? – строго спросила Бриджит.

– Потому что я сплю.

– Сейчас десять тридцать! Ау! Как насчет встречи с новыми инвесторами? Предупреждаю: Касперу грозит либо распытание, либо повешение.

«Инвесторы. Вот черт!»

Салливан сел и, обхватив голову, ждал, когда отступит головокружение.

– Слушай, брось свою бабенку и подгребай сюда, – велела Бриджит. – Каспер уже повел их в ангар.

– Буду через десять минут, – пообещал Салливан.

Он повесил трубку и встал. Девица не пошевелилась. Оби понятия не имел, кто она такая, но будить ее не стал, решив, что у него все равно нечего красть.

Времени на душ и бритье не было. Он закинул в рот три таблетки аспирина, запил их вчерашним кофе и укатил на своем «харлее».

Бриджит ждала его у ангара. Она и выглядела как самая обыкновенная Бриджит¹³ – бодрая, рыжеволосая и с отвратительным характером. К сожалению, иногда со стереотипами приходится считаться.

– Они сейчас уйдут! – прошипела она. – Давай, давай мухой!

– Еще раз – кто они?

– Некие господин Лукас и господин Рашад. Они представляют консорциум из двенадцати инвесторов. Если ты упустишь их, Салли, мы окажемся в полной заднице. – Она замолчала, с отвращением разглядывая Оби. – Черт, мы уже в заднице. Посмотри на себя. Ты не мог хотя бы побриться?

– Хочешь, чтобы я поехал домой? Могу по пути взять напрокат смокинг.

¹³ Бриджит – так в англоязычных странах называют типичных ирландок.

– Забудь об этом. – Она сунула ему в руку сложенную газету.

– Что это?

– Это для Каспера. Передай ему. Давай отправляйся туда и убеди их подписать чек. На большую сумму.

Вздыхнув, Салливан вошел в ангар. После раздражающе яркого солнца пустыни в относительной темноте его глазам стало легче. Через некоторое время он увидел трех мужчин, стоявших возле «Апогея II». Двое из них, в деловых костюмах, смотрелись весьма странно на фоне орбитального аппарата, закованного в броню черных плиток теплового экрана.

– Доброе утро, джентльмены! – громко приветствовал их Салливан. – Извините за опоздание, у меня было телефонное совещание. Знаете, это все обычно так затягивается...

Он заметил предупреждающий взгляд Каспера Малхолланда: «Не перегибай палку, придурок».

– Салливан Оби, – представился он. – Партнер господина Малхолланда.

– Господин Оби знает эту МРН¹⁴ до винтика, – сообщил Каспер. – Он работал в Калифорнии с самим Бобом Труэксом.¹⁵ Он может рассказать о системе гораздо лучше, чем я. Мы называем его своим Оби-Ваном.

Посетители и бровью не повели. Это плохой признак, если даже универсальный язык «Звездных войн» не вызывает улыбки.

Салливан пожал руку сначала Лукасу, затем Рашаду и широко улыбнулся, несмотря на ослабевающую надежду. Несмотря на то, что негодование по отношению к этим хорошо одетым джентльменам, в чьих деньгах они с Каспером так отчаянно нуждались, росло в Салливане с каждой секундой. Компания «Апогей инжиниринг», их детище, мечта, которую они лелеяли последние тринадцать лет, могла вот-вот рухнуть, единственное спасение – вложения новых инвесторов. Им с Каспером нужно убедить их на все сто. В противном случае можно спокойно упаковать инструменты и продать корабль в парк аттракционов.

Выразительным жестом Салливан указал на «Апогей II», который походил не на самолет-ракетоносец, а на пухлый пожарный гидрант с иллюминаторами.

– Знаю, корабль кажется неказистым, – признал он, – но на самом деле мы создали самую рентабельную и практичную многоцветную ракету-носитель из всех ныне существующих. Аппарат одноступенчатый, с ракетным ускорителем. После вертикального взлета и подъема на высоту двенадцать километров ракетные двигатели с вытеснительной подачей топлива разгоняют аппарат до четырех Махов при низком динамическом давлении. Это космический корабль многоцветного использования, который весит всего лишь восемь с половиной тонн. Он во всех смыслах отвечает принципам, за которыми – мы в это твердо верим – будущее коммерческого космического туризма. Меньше. Быстрее. Дешевле.

– Какой у него подъемный двигатель? – спросил Рашад.

– «Рыбинск РД-38». Это воздушно-реактивные двигатели из России.

– Почему из России?

– Потому что, господин Рашад, между нами говоря, русские понимают в ракетах больше всех в мире. Они разработали десятки жидкостных ракетных двигателей, используя самые современные материалы, которые выдерживают очень высокое давление. К сожалению, в нашей стране со времен программы «Аполлон» был разработан только один жидкостный ракетный двигатель. Теперь это международная индустрия. Мы подбираем лучшие компоненты для наших разработок вне зависимости от того, где их производят.

– А как эта... штука приземляется? – поинтересовался господин Лукас, с сомнением глядя на корабль – пожарный гидрант.

¹⁴ Здесь: многоцветная ракета-носитель.

¹⁵ Труэкс, Роберт (р. 1917) – легендарный американский инженер-ракетостроитель.

– Это одно из главных достоинств «Апогея II». Как видите, у него нет крыльев. Ему не нужна взлетно-посадочная полоса. Он опускается вертикально, используя парашюты, чтобы замедлить спуск, и воздушные подушки для смягчения приземления. Аппарат может приземлиться где угодно, даже в океане. И снова мы должны поблагодарить русских, потому что позаимствовали кое-какие устройства у старой капсулы «Союз». Она надежно служила не один десяток лет.

– Вам нравятся старые русские технологии, а? – удивился Лукас.

Салливан напрягся:

– Мне нравятся технологии, которые работают. Можете говорить все, что угодно, по поводу русских, но они знают, что делают.

– Значит, то, что у вас получилось, – продолжил Лукас, – это некий гибрид. Смесь «Союза» и космического челнока.

– Очень маленького космического челнока. Пока мы потратили на это тринадцать лет и всего шестьдесят пять миллионов долларов – это очень недорого, если сравнивать со стоимостью челнока. Мы полагаем, что благодаря многообразному кораблю, при тысяче двухстах запусков в год, вы вернете себе тридцать процентов инвестиций за первые двенадцать месяцев. Стоимость полета – восемьдесят тысяч долларов; цена за килограмм – просто смешотворная: двести семьдесят долларов. Меньше, быстрее, дешевле. Это наш девиз.

– Насколько меньше, господин Оби? Какова полезная грузоподъемность?

Салливан колебался. Здесь они рисковали.

– На низкую околоземную орбиту мы можем запустить триста килограммов полезного груза плюс пилот.

Последовала долгая пауза.

Господин Рашад произнес:

– Это все?

– Это почти семьсот фунтов. Вы сможете разместить много исследовательских экспериментов в...

– Я знаю, что такое триста килограммов. Не так уж и много.

– Мы компенсируем это более частыми запусками. Можете считать этот аппарат космическим самолетом.

– На самом деле в НАСА уже заинтересовались! – в отчаянии вставил Каспер. – Это та самая система, которая подходит для быстрых полетов на космическую станцию.

Лукас поднял брови:

– В НАСА заинтересовались?

– У нас есть там кое-какие шансы.

«Черт, Каспер, – подумал Салливан. – Не трогай эту тему».

– Покажи им газету, Салли.

– Что?

– «Лос-Анджелес таймс». Вторая страница.

Салливан посмотрел на «Лос-Анджелес таймс», которую ему всучила Бриджит. Он развернул вторую страницу и увидел статью: «НАСА заменяет астронавта». Рядом со статьей была опубликована фотография с пресс-конференции какого-то чиновника из Космического центра Джонсона. Он узнал этого простоватого парня с большими ушами и плохой прической. Это был Гордон Оби.

Каспер вырвал у него газету и показал ее посетителям:

– Видите этого человека, он стоит рядом с Лероем Корнеллом? Это директор управления летных экипажей НАСА. Брат господина Оби.

Два посетителя, явно впечатленные, повернулись и посмотрели на Салливана.

– Ну? – спросил Каспер. – Быть может, джентльмены, мы все-таки поговорим о деле?

– Будем с вами честны, – сказал Лукас. – Мы с господином Рашадом уже взглянули на разработки других аэрокосмических компаний. Мы видели «Келли астралайнер», «Ротон», «Кистлер К-1». Они все произвели на нас впечатление, особенно «К-1». Но мы подумали, что стоит дать и вашей маленькой компании шанс показать свой товар.

«Вашей маленькой компании».

«Да пошли вы...» – подумал Салливан. Он терпеть не мог выпрашивать деньги, ненавидел ползать на коленях перед напыщенным ничтожеством. Это безнадежное дело. У него болела голова, урчало в животе, а эти двое в деловых костюмах зря тратили его время.

– Скажите, почему мы должны поставить на вашу лошадку? – сказал Лукас. – Почему стоит выбрать именно «Апогей II»?

– Откровенно говоря, джентльмены, я не думаю, что вы должны выбрать именно нас, – просто ответил Салливан и повернулся, чтобы уйти.

– Гм, извините, – вмешался Каспер и бросился за своим коллегой. – Салли, – зашептал он, – что, черт возьми, ты делаешь?

– Этим парням мы неинтересны. Ты же слышал, что они сказали. Им нравится «К-1». Им нужны большие ракеты. По размеру их членов.

– Прекрати! Вернись и поговори с ними.

– Зачем? Они не выпишут нам чек.

– Если мы потеряем их, мы потеряем все.

– Мы уже потеряли.

– Нет. Ты сможешь продать им его. Нужно всего лишь говорить правду. Расскажи им о наших убеждениях. Потому что мы оба знаем – у нас лучший аппарат.

Салливан потер глаза. Действие аспирина прошло, и голова гудела. Он устал от попрошайничества. Он был инженером и летчиком и с радостью провел бы остаток жизни с перепачканными в машинном масле руками. Но этого не будет без новых инвесторов, без их денег.

Он повернулся и снова направился к посетителям. Удивительно, но люди в костюмах стали вести себя осторожно и уважительно. Возможно, потому, что Салливан сказал правду.

– Ладно, – произнес он, осмелев оттого, что ему больше нечего терять. Даже поражение можно потерпеть красиво. – Предлагаю сделку. Мы можем делом подтвердить все, о чем говорили. Многие ли способны устроить запуск на раз? Нет. Им требуется время для подготовки, – усмехнулся он. – Не один месяц подготовки. А мы можем стартовать в любое время. Все, что нам нужно, – это посадить нашу малышку на ракетный ускоритель, и пожалуйста – выход на околоземную орбиту обеспечен. Черт, мы даже можем запустить ее к космической станции.

Каспер побледнел, словно привидение. Недоброе привидение. Салливан зашел так далеко, что им, словно утопающим, только и оставалось, что цепляться за соломинку. «Апогей II» еще не был испытан. Он четырнадцать месяцев стоял в ангаре, покрываясь пылью, а они тем временем выпрашивали деньги. И теперь Салли хотел сразу же запустить его на орбиту?

– Я уверен, наш аппарат пройдет проверку, – сказал Салливан и, еще выше поднимая ставки, добавил: – Я сам займу место пилота.

У Каспера все внутри похолодело.

– Гм... это он образно, джентльмены. Аппарат может лететь и в беспилотном режиме...

– Но в таком случае пропадает выразительность, – возразил Салливан. – Позвольте мне поднять его в воздух. Так будет гораздо интересней всем. Что скажете?

«Я скажу, что ты спятил», – взглядом ответил ему Каспер.

Два бизнесмена посмотрели друг на друга и что-то шепнули друг другу. Затем Лукас сказал:

– Нам было бы интересно посмотреть на демонстрацию. Потребуется время, чтобы собрать всех наших партнеров. Скоординировать расписание поездок. Так что, скажем... через месяц. Сможете?

Они купились. Салливан рассмеялся:

– Месяц? Без проблем.

Он взглянул на Каспера, который стоял, закрыв глаза так, словно испытывал страшную боль.

– Мы свяжемся с вами, – пообещал Лукас и повернулся к двери.

– Один последний вопрос, если можно, – сказал господин Рашад. И указал на корабль. – Ваш опытный образец называется «Апогей II». А где «Апогей I»?

Каспер и Салливан обменялись взглядами.

– Э-э-э... да, – отозвался Каспер. – Был...

– А что с ним случилось?

Каспер не ответил.

«Ну и черт с вами», – подумал Салливан. Похоже, этим ребятам правда по душе; можно поступить так же и в этот раз.

– Он разбился и сгорел, – сообщил он. И вышел из ангара.

Разбился и сгорел. Иначе не опишешь то, что произошло холодным ясным утром полтора года тому назад. Тогда же разбились и сгорели все мечты Салливана. Сидя за своим стареньким столом в офисе компании, борясь с похмельем при помощи кофе, он, сам того не желая, вспоминал мучительные подробности того дня. Автобус с чиновниками НАСА подъехал к стартовой площадке. Его брат Горди светился от радости. Дух торжества витал вокруг десятка сотрудников «Апогея» и толпы инвесторов, которые собрались под навесом выпить по чашке кофе с пончиками.

Обратный отсчет. Старт. Все смотрели в небо, когда «Апогей I» взмыл вверх и превратился в яркую точку.

Затем вспышка – и все было кончено.

После всего этого брат не сказал почти ничего, лишь несколько слов соболезнования. Но Гордон есть Гордон. Так было всегда: если Салливан терпел поражение – а случалось это довольно часто, – Гордон только грустно и разочарованно качал головой. Старший брат, благоразумный и надежный сын, Горди сумел дослужиться до командира шаттла.

Салливан так и не попал в отряд астронавтов. Он тоже был летчиком и аэрокосмическим инженером, но ему не везло. Стоило ему забраться в кабину пилота – и тут же происходило либо замыкание, либо разрыв на линии. Он частенько подумывал о том, чтобы написать себе на лбу: «Я не виноват», потому что чаще всего в неудачах не было его вины. Но Гордон так не считал. У него все всегда было в порядке. Старший брат полагал, что понятие «невезение» служит отговоркой для неумех.

– Почему бы не позвонить ему? – спросила Бриджит.

Салливан поднял взгляд. Она стояла у его стола, скрестив руки, словно рассерженная училка.

– Кому? – удивился он.

– Брату, кому еще? Скажи, что мы запускаем второй опытный образец. Пригласи его посмотреть. Может, он приведет с собой кого-нибудь из НАСА.

– Я не хочу никого из НАСА.

– Салли, если мы произведем на них впечатление, наша компания заживет иначе.

– Как в прошлый раз, да?

– Нам просто не повезло. Но теперь мы все исправили.

– Нам может не повезти и во второй раз.

– Ты ведь собираешься убить нас, сам-то понимаешь? – Она поставила перед ним телефон. – Звони Гордону. Если уж бросать кости, то надо идти ва-банк.

Салливан уставился на телефон, думая об «Апогее I». О том, как давние мечты могут разрушиться в одно мгновение.

– Салли?

– Забудь об этом, – возразил он. – У брата есть дела и поважней, зачем ему тратить время с неудачниками?

И он швырнул газету в мусорную корзину.

26 июля

На борту «Атлантиса»

– Эй, Уотсон! – крикнул на среднюю палубу командир Вэнс. – Иди взгляни на свой новый дом.

Эмма всплыла по лестнице и вынырнула в кабине экипажа, за спиной у Вэнса. Бросив взгляд в иллюминаторы, она чуть не задохнулась от изумления. Эмма впервые видела космическую станцию так близко. Во время ее первого полета, два с половиной года назад, стыковки с МКС не было – они смотрели на станцию издалека.

– Она красавица, правда? – сказал Вэнс.

– Я никогда не видела ничего прекрасней, – тихо призналась Эмма.

И это соответствовало действительности. МКС со своими огромными солнечными батареями, развертывающимися из массивной основной фермы, выглядела как парящий в небесах волшебный корабль. Для того чтобы доставить в космос комплектующие, созданные в шестнадцати странах, потребовалось сорок пять запусков, а еще пять лет ее собирали часть за частью прямо на орбите. Эта станция – не просто чудо инженерии, она символ того, чего может достигнуть человек, когда он складывает оружие и обращает взор к небу.

– Не грех вложиться в такую недвижимость, – проговорил Вэнс. – Я бы сказал, что из окон этой квартирki открывается неплохой вид.

– Мы точно на радиус-векторе, – сообщил пилот челнока Девитт. – Отличный полет.

Когда шаттл приблизился к стыковочному модулю МКС, Вэнс оставил место командира и закрепился у верхнего иллюминатора кабины экипажа, чтобы внимательно все рассмотреть. Эта фаза требовала самого точного расчета в сложном процессе стыковки. «Атлантис» был запущен на более низкую орбиту, чем МКС, и последние два дня играл с космической станцией в догонялки. Они приближались к ней снизу, используя двигатели реактивной системы управления, чтобы точно настроить их положения для стыковки. Эмма слышала звуки реактивных двигателей, когда они пришли в действие, и почувствовала, что корабль задрожал.

– Смотрите, – заметил Девитт. – Вот эту солнечную батарею в прошлом месяце немного пробило.

Пилот указал на одну из панелей солнечных батарей с зияющей дырой. Одна из неизбежных опасностей космоса в постоянном дожде из метеоритов и мусора, созданного человеком. Даже крошечный осколок может оказаться разрушительным снарядом, если его скорость составляет тысячи километров в час.

Когда шаттл подобрался ближе и станция закрыла иллюминатор, Эмму переполнили такой благоговейный трепет и гордость, что на глаза вдруг навернулись слезы. «Дом, – подумала она. – Я приехала домой».

Люк шлюза распахнулся, и широкое темнокожее лицо улыбнулось им с другого конца тамбура, соединявшего «Атлантис» с МКС.

– Они привезли апельсины! – крикнул своим товарищам Лютер Эймс. – Я чувствую их запах!

– Служба доставки НАСА, – невозмутимо объявил командир Вэнс. – Ваш заказ прибыл. С нейлоновой сеткой фруктов Вэнс поплыл через шлюз в космическую станцию.

Это была идеальная стыковка. И корабль, и станция двигались над Землей со скоростью 28 000 километров в час. Вэнс приближался к МКС на осторожной скорости в пять сантиметров в секунду, пристраивая стыковочный модуль «Атлантиса» к порту МКС так, чтобы стыковка была надежной и плотной.

Теперь люки были открыты, и экипаж «Атлантиса» один за другим перешел на космическую станцию, где его встретили рукопожатиями, объятиями и радушными улыбками, ведь астронавты на станции больше месяца не видели новых лиц. Узел был слишком мал, чтобы вместить тринадцать человек, и экипажи быстро рассредоточились по соседним модулям.

Эмма была пятым астронавтом, перешедшим из корабля на станцию. Она высунулась из тамбура и вдохнула смесь ароматов: несколько кислотоватый запах людей, которые слишком много времени провели в замкнутом пространстве. Первым Эмму приветствовал Лютер Эймс, ее старый друг еще по подготовке астронавтов.

– Доктор Уотсон, я полагаю! – пробасил Лютер, обнимая ее. – Добро пожаловать на борт. Чем больше дам на борту, тем веселей.

– Эй, ты же знаешь, что я не дама.

Он подмигнул:

– А мы никому не скажем.

Лютер был всегда исполнен энергии, его жизнелюбие озаряло все вокруг. Все любили Лютера, потому что Лютер любил всех. Эмма порадовалась, что он на борту.

Когда, обернувшись, она увидела остальных членов экипажа станции, то обрадовалась присутствию Лютера еще больше. Сначала Эмма пожала руку Майклу Григсу, командиру МКС, его приветствие было вежливым, но почти военным. Англичанка Диана Эстес, астронавт ЕКА,¹⁶ была не особенно радушной. Она улыбнулась, но взгляд ее голубых глаз оставался ледяным. Холодным и отстраненным.

Эмма повернулась к следующему члену экипажа, россиянину Николаю Руденко, который находился на МКС дольше остальных, почти пять месяцев. Освещение модуля, казалось, стерло краску с его лица, сделав его таким же тусклым, как тронутая сединой щетина его бороды. Когда они пожали друг другу руки, Николай едва взглянул ей в глаза. «Этому человеку надо домой, – подумала Эмма. – Он подавленный. И усталый».

Затем Кеничи Хираи, астронавт из Национального космического агентства Японии, выплыл вперед и поздоровался с ней. Он, по крайней мере, улыбался, и его рукопожатие было крепким. Запинаясь, он произнес приветствие и быстро удалился.

Вскоре модуль опустел, остальные члены экипажей рассредоточились по другим частям станции. Эмма осталась наедине с Биллом Ханингом.

Дебби Ханинг умерла три дня назад. «Атлантис» должен был отвезти Билла домой, но не в больницу, а на похороны. Эмма подплыла к Биллу.

– Соболезную, – тихо проговорила она. – Мне очень жаль.

Он кивнул и отвернулся.

¹⁶ ЕКА – Европейское космическое агентство.

– Странно, – сказал он. – Мы всегда думали: если что-то и случится, то только со мной. Я ведь главный герой в семье. Я ведь рискую. Нам никогда даже в голову не приходило, что это случится с ней...

Билл глубоко вздохнул. Эмма видела, что он изо всех сил старается сохранить самообладание, и знала: сейчас не время для сочувствия. Даже легкое прикосновение может нарушить его хрупкую сдержанность.

– Ну, Уотсон, – наконец произнес он, – полагаю, именно я должен показать тебе оснастку. Раз уж ты взваливаешь на себя мою ношу.

Она кивнула:

– Как только сможешь, Билл.

– Тогда давай сейчас. Мне многое нужно тебе рассказать, а времени мало.

Эмма была знакома с планом станции, но при первом взгляде на внутренности МКС у нее закружилась голова. В условиях орбитальной невесомости нет ни верха, ни низа, ни пола, ни потолка. Любая поверхность – полноценная рабочая область, а если слишком быстро поворачиваться, мгновенно теряешь ориентацию в пространстве. Поэтому, да еще из-за приступов тошноты, Эмме приходилось двигаться медленно, а поворачиваясь, сосредоточивать взгляд на какой-нибудь одной точке.

Она знала, что в МКС обитаемого пространства столько же, сколько в двух «Боингах-747», но оно было распределено между десятком модулей, каждый размером с автобус, соединенных друг с другом по принципу детского конструктора. Челнок пристыковался к узловому модулю Нод-2. К этому же узлу были присоединены лабораторный модуль ЕКА, а также японский и американский лабораторные модули, причем последний служил проходом в остальные отсеки станции.

Билл проводил Эмму из американской лаборатории в следующий узловой модуль, Нод-1. Здесь они на мгновение задержались, чтобы посмотреть на Землю сквозь большой круглый иллюминатор. Земля медленно вращалась под ними, молочные облака вихрями кружились над морями.

– Тут я проводил каждую свободную минуту, – сказал Билл. – Просто смотрел в иллюминатор. Для меня это что-то почти священное. Я называл это место «Храмом Матери-Земли».

Оторвав взгляд от иллюминатора, он повернулся, чтобы показать другие люки модуля.

– Прямо напротив – тамбур для выхода в открытый космос, – сказал он. – А люк под нами ведет в жилой модуль. Твое спальное место находится там. КАС¹⁷ пристыкован с другого конца жилого модуля – на случай быстрого покидания станции.

¹⁷ КАС – корабль аварийного спасения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.